Дьявол, который ее укротил

Автор:
Джоанна Линдсей

Дьявол, который ее укротил

Джоанна Линдсей

Очарование (АСТ)Семейство Рид #2

Гордячка Офелия Рид вновь продемонстрировала свой нрав: отвергла богатого жениха-маркиза и решила сделать собственный выбор.

На помощь строптивой красавице приходит веселый повеса Рейфел Лок, который готов стать ее спутником и защитником, а также поставлять сведения обо всех холостяках, достойных ее внимания.

Но дни идут за днями, и постепенно Рейфел понимает, что мисс Рид больше не должна искать себе супруга – она его уже нашла! Правда, сама красавица об этом пока не знает и чувств сэра Лока не разделяет. Но он уверен: соблазнить и очаровать можно даже самую холодную и неприступную из женщин…

Джоанна Линдсей

Дьявол, который ее укротил

Посвящается Шерон и Дугласу, которые открыли средство для воспоминаний: тапочки и картофельное пюре. Спасибо за много лет смеха.

Глава 1

Согласитесь, есть отпечаток некой исключительности на женщине, которая имеет репутацию самой красивой и желанной дебютантки из всех, кто был выставлен на брачный рынок за последнее столетие и которая считается самой ненавидимой во всей Англии. Как ни странно, Офелия Рид упорно добивалась обоих титулов. Какое проклятие – быть столь прекрасной, что люди в ее присутствии вели себя как полные идиоты!

И гости, собравшиеся в Саммерс-Глейд, загородном поместье маркиза Бирмингдейла, не были исключением.

Офелия остановилась на верхней ступеньке парадной лестницы. Она надеялась, что холл будет пуст, но, увы, ей не повезло. Похоже, все те, кто приехал на ее с маркизом свадьбу, собрались внизу. Впрочем, многие, извещенные о том, что церемония венчания не состоится, явно готовились к отъезду. Остальные, пораженные и смущенные, взволнованно переговаривались. Но стоило Офелии появиться, как взоры присутствующих устремились к ней, и, разумеется, тут же начались перешептывания.

Им, должно быть, показалось, что она изображает торжественный выход. Офелия обожала подобные штучки, в которых ей не было равных. Но только не на этот раз. Ее появление, скорее всего, можно было назвать торжественным уходом, хотя от самой Офелии мало что зависело. Она всего лишь надеялась ускользнуть незамеченной.

– Когда вы наконец расскажете, что случилось? – пробормотала стоявшая рядом Сэди О’Доналд, горничная Офелии.

– И не собираюсь, – сухо обронила девушка.

– Но сегодня должна была состояться свадьба!

Можно подумать, Офелия запамятовала о столь возмутительном факте! Но сейчас не время это обсуждать.

– Помолчи! Может, ты не заметила, что здесь собралась любопытствующая аудитория?

Сэди поджала губы и последовала за Офелией вниз по лестнице. Шепот стал громче. Офелия даже уловила обрывки пересудов.

– Сначала они помолвлены, потом помолвка разорвана, потом они снова жених и невеста, а теперь опять передумали. Если хотите знать мое мнение, она слишком непостоянна!

– А жених объявил, что отмена свадьбы – их совместное решение.

– Очень в этом сомневаюсь! Ей слишком трудно угодить. Впрочем, с такой внешностью я бы тоже перебирала женихов.

– Согласна. Просто грешно быть такой красивой.

– Осторожно, дорогая, вы слишком явно завидуете.

– …если спросите меня, она безобразно избалована.

– Шшш… не дай Бог, она услышит! У нее вместо языка змеиное жало. Не дай Бог, обрушится на вас.

– Боже, как она прекрасна. Настоящий ангел и…

– …снова выставлена на брачный аукцион. Передать не могу, как я рад. По крайней мере теперь у меня есть еще одна возможность…

– А мне казалось, она отвергла вас еще до начала сезона.

– Меня и еще две дюжины соискателей, но мы не знали, что она уже помолвлена с Мактавишем.

– Не тратьте зря время. Ваш титул недостаточно для нее высок. Пожелай она, и сам король пал бы к ее ногам.

– Удивительно, что ее родители этого не добивались. Совершенно отвратительные честолюбцы, чья цель – подняться как можно выше по социальной лестнице.

– А разве она не такова?

– Она только что отвергла наследника маркиза. Неужели это ни о чем не говорит?

– Значит, ее родители в бешенстве, совсем как когда…

– А ведь Лок имеет все шансы стать следующим герцогом Норфордом. Я очень удивился, узнав, что он вернулся в Англию.

– Во всяком случае, он не собирается жениться. Неужели вы не слышали, что он и уехал из страны, чтобы убраться подальше от мамаш, намеренных любыми средствами поймать жениха…

Офелия было сделала вид, что ничего не слышит, но при упоминании Рейфела Лока, виконта Линфилда, невольно поискала его взглядом. Она знала, что он где-то здесь, прощается со своими знакомыми и, возможно, сам готовится к отъезду. Он был первым, кого Офелия заметила, подходя к лестнице. Впрочем, такой красавец, как наследник Норфорда, привлек ее внимание с того момента, когда она впервые взглянула на него.

Какое-то недолгое время, до повторной помолвки с Мактавишем, Офелия подумывала о нем как о будущем муже. Но Лок, очевидно, переметнулся во вражеский лагерь – лагерь, который придерживался о ней самого худшего мнения. Как Лок прозвал ее? Злобная сплетница? Он даже пригрозил погубить репутацию Офелии, если та кому-то расскажет, что, по ее мнению, он спит с Сабриной Ламберт.

Но она действительно так считала! Иначе с чего бы ему уделять столько внимания этой серой мышке Сабрине? Но вместо того, чтобы оскорблять Офелию, Лок мог бы просто сказать, что она ошибается. И как жаль, что именно он застал ее плачущей наверху.

– Как мы доберемся домой? – прошептала Сэди, когда они спустились вниз.

– В моем экипаже, разумеется, – бросила Офелия.

– Но у нас нет кучера! Проклятый дурень так и не вернулся.

Об этом Офелия совершенно забыла. Жалованье кучер получал от ее отца и поэтому сначала вообще не желал везти ее в Йоркшир. Когда же Офелия приложила немало сил, чтобы убедить кучера, тот стал твердить, что потеряет место, если немедленно не вернется в Лондон, чтобы сообщить ее родителям, куда сбежала дочь. Будто она не намеревалась послать им записку. В свое время, разумеется.

Когда Дункан разорвал их помолвку в первый раз и попросил семейство Рид уехать из Саммерс-Глейд, отец отвесил Офелии такую пощечину, что она отлетела на другой конец комнаты. Теперь она не собиралась общаться с родителями, пока ее гнев не остынет.

– Полагаю, придется позаимствовать у маркиза одного из лакеев, – решила Офелия. – Сойдет тот парень, который сейчас выносит мои сундуки. Можешь сообщить ему, что он временно будет нашим кучером. А я пока подожду в гостиной.

Офелия предпочла бы подождать во дворе, подальше от оставшихся гостей маркиза. Но дорожное пальто было сшито для того, чтобы как можно выгоднее подчеркивать красоту ее фигуры, а не защищать от зимнего холода.

Однако, поскольку большинство собравшихся ожидали свои экипажи именно в холле, оставалось надеяться, что гостиная будет пуста.

Туда Офелия и направилась. Но комната не была пуста. Там сидела особа, которую Офелия надеялась никогда больше не видеть: Мейвис Ньюболт, когда-то ее лучшая подруга, а теперь – злейший враг. И теперь слишком поздно искать другое убежище: Мейвис уже заметила ее.

– Сбегаешь, поджав хвост? – злорадно хмыкнула Мейвис.

О господи, опять начинается! Разве ее бывшая подруга, приехав сюда, не сказала и не сделала все возможное, дабы помешать тому, что в высшем обществе считали обреченным на несчастье браком? Очевидно, не все.

– Вряд ли мой отъезд можно назвать именно так, – спокойно ответила Офелия, уже сумевшая взять себя в руки. Бывшая подруга больше не доведет ее до слез! – Как же тебе, наверное, досадно: оказать мне такую услугу, чтобы избавить бывшую подругу от союза с шотландцем.

– Я уже говорила, что сделала это не ради тебя. Ты последний человек на земле, которому мне захочется помочь.

– Да-да, знаю, ты разыгрывала героиню исключительно ради Дункана. А вышло так, что спасла меня от свадьбы с ним. Полагаю, следовало бы поблагодарить тебя.

– Не стоит! – прорычала Мейвис, негодующе тряся локонами. – Больше никакого притворства, Фели. Мы ненавидим друг друга…

– Прекрати! – резко оборвала Офелия, боясь, что рана снова откроется. – Здесь нет любопытной аудитории, перед которой ты снова могла бы чернить меня, так что давай начистоту! Ты была единственной истинной подругой из всех девиц, которые вертятся вокруг меня, и прекрасно это знаешь! Я старалась уберечь тебя! Поверь, будь ты мне безразлична, я не пыталась бы защитить тебя от Лоренса и вывести его на чистую воду. Но ты предпочла винить меня за его предательство. И… как ты там высказалась? Единственной причиной, по которой ты выносила мое присутствие, было стремление дождаться моего падения. И после этого ты смеешь называть меня змеей?

– Говорила же тебе, что с некоторых пор едва узнаю себя, – оправдывалась Мейвис. – И в этом виновата ты. Из-за тебя я так расстроена и обозлена, что ненавижу себя!

– По-моему, я тут совершенно ни при чем. Вини его, своего бесценного Лоренса, который использовал тебя, чтобы подобраться ко мне. Ну вот, правда наконец выплыла на свет божий! До сих пор я делала все, чтобы пощадить тебя! Даже ухаживая за тобой, он умолял меня выйти за него, но я вбила себе в голову, что не дам тебе узнать эту горькую истину.

– Лгунья! А еще обвинила меня во лжи перед нашими подругами!

– А-а, теперь они снова «подруги», эти две пиявки? А ведь ты утверждала сегодня, что Джейн и Эдит мне не подруги! Будто мне это неизвестно! И только ты спровоцировала меня в тот день, когда я назвала тебя лгуньей! Ты сама это понимаешь. Как долго, по-твоему, я продолжала бы терпеть твои ехидные, гнусные намеки и реплики, не отомстив по заслугам?! Тебе лучше других известно, как мало у меня терпения. Но я берегла его для тебя. А вот для Джейн и Эдит ничего не осталось. Видит Бог, они пресмыкались передо мной, только чтобы оказаться рядом. Что поделать, если находиться в моем обществе сейчас очень модно! Но, перечисляя мои промахи, об этом ты упомянуть забыла, не так ли? И это ты заявила, будто я их использую?

Офелия презрительно фыркнула.

– Можно подумать, ты впервые слышишь, что дело обстоит как раз наоборот и что каждая из моих так называемых подруг использует меня и мою популярность в своих целях. Господи милостивый, сколько раз ты сама говорила об этом, когда еще считалась моей подругой!..

– Так и знала, что ты начнешь изобретать всяческие извинения своим поступкам, – сухо заметила Мейвис.

– Правда не может служить извинением, – возразила Офелия. – Я знаю все свои недостатки, худшим из которых является моя вспыльчивость. Но кто обычно эту вспыльчивость разжигает?

– Что общего это имеет с твоей язвительностью?

– Ты сама навлекла на себя мой гнев, Мейвис. Заявила, что Джейн и Эдит проводили со мной все свободное время, чтобы я не обрушила на них свою злость. Это, мягко говоря, не совсем точно. Не хочешь все обсудить сейчас, без свидетелей, которых ты стремишься поразить своей мстительностью?

Мейвис негодующе охнула:

– По-моему, из нас двоих мстительна именно ты! И это чистая правда. Ты обрушилась на бедных девушек и имеешь наглость отрицать это сейчас?!

– Просто ты придаешь чересчур большое значение моим отношениям с глупыми девицами. Да, я много раз теряла терпение и набрасывалась на них, но ты забыла упомянуть основную причину моих вспышек: они подлизы и прихлебательницы. Как, впрочем, все мои так называемые подруги. Именно их пресмыкательство и неискренняя лесть обычно выводят меня из себя.

– Не понимаю, почему я трудилась объяснять, насколько ты зла, – покачала головой Мейвис. – Ты никогда не изменишься. Всегда занята только собой, причиняя боль окружающим.

– О, брось, мы обе точно знаем, почему ты высказалась сегодня. Даже призналась, что продолжала притворяться моей подругой, только чтобы быть рядом, когда произойдет мое падение. И что же, дорогая? Неужели я так низко пала? Мне так не кажется. Я вернусь в Лондон и выйду замуж за одного из тех идиотов, которые клянутся мне в любви. А вот что будет с тобой? Счастлива теперь, когда выплеснула к моим ногам всю горечь? О, погоди, ты, кажется, не насладилась местью в полной мере? Надеюсь, уже осознала, что спасла меня от несчастливого брака? Только и всего. Огромное тебе спасибо. Поверь, я вполне искренна.

– Иди к дьяволу! – отрезала Мейвис и зашагала к двери.

Офелия прикрыла глаза, сражаясь с непрошеными слезами. При виде Мейвис ей следовало сразу же повернуться и выйти из комнаты. Не стоит вновь переживать кошмарную сцену с подругой. Ту самую, которая произошла чуть раньше.

– Мне следует поаплодировать столь трагической сцене? А ведь я думал, что вы двое уже разыграли спектакль утром!

Офелия оцепенела. Он! Это он! Боже, она до сих пор не в силах поверить, что плакала сегодня на его плече. Но теперь она преодолела позорную слабость и вполне владеет собой.

Обернувшись, Офелия надменно вскинула брови.

– Трудно назвать это спектаклем. Мы считали, что были одни. Подслушиваете, лорд Лок? Какой стыд! Не ожидала от вас подобной выходки.

Лок спокойно улыбнулся. Вид при этом у него был отнюдь не покаянный.

– Ничего не смог с собой поделать. Уж очень невероятная метаморфоза! Несчастная, попавшая в беду девушка мгновенно превратилась в надменную Снежную королеву! Наконец-то я вижу ваше истинное лицо.

– Идите к дьяволу! – выпалила она, повторяя прощальную реплику Мейвис. И, подражая бывшей подруге, гордо прошествовала к выходу.

Глава 2

– О чем это она?

– Почему я чувствую себя оскорбленной?

– Должно быть, она услышала все, что вы о ней говорили. Я предупреждала, чтобы вы не высказывались так громко.

– Я не сплетничала! – негодующе фыркнула какая-то дама.

– А по-моему, вы именно этим и занимались. Но не волнуйтесь. Такая хорошенькая девушка, как вы, в свою очередь, наверняка даст пищу для сплетен.

Рейфел тихо усмехнулся, прислушиваясь к жаркой перебранке. Снежная королева, как он прозвал Офелию Рид, бывшая невеста друга, не только сорвала свою досаду за неуместное замечание на нем. Выбежав из комнаты, она заявила гостям, собравшимся в холле:

– Не обращайте внимания. Я всего лишь проходила мимо. Через минуту вы снова сможете спокойно злословить на мой счет.

С этими словами она преспокойно поднялась по лестнице и исчезла наверху.

Как и предсказывала Офелия, после ее ухода языки заработали с утроенной силой, только на этот раз голоса стали громче, тем более что предмета сплетен в соседней комнате не было. Что за поразительное создание! Куда сложнее, чем он предполагал раньше. Тогда Рейфел считал, что единственное, на что она способна, – распространять гнусные сплетни и чернить ни в чем не повинных людей.

Рейфел не думал, что обретет новых друзей здесь, в крошечном уголке Йоркшира. Как первенец герцога Норфорда и наследник титула, он никогда не нуждался в друзьях, настоящих или нет, но потерял связь с большинством приятелей, когда несколько лет назад уехал за границу. Просто поразительно, как быстро он сошелся с Дунканом Мактавишем, возможно, потому, что при первой встрече шотландец был так вспыльчив и так легко выходил из себя, что Рейфел находил это весьма забавным.

Они были почти ровесниками. Рейфелу было лет двадцать пять, Дункану – немного меньше. Оба – высокие, мускулистые, атлетически сложенные и красивые, хотя внешне никакого сходства не наблюдалось. Волосы Дункана вопреки моде были темно-рыжими, глаза – темно-синими. А Рейфела природа наградила светлыми локонами и голубыми глазами. Оба были первыми в списке самых завидных женихов этого сезона. Обоим предстояло унаследовать прославленные титулы.

Однако Рейфел не искал жену и не собирался жениться в ближайший десяток лет. А вот дедушки Дункана с обеих сторон решили, что он должен как можно скорее произвести на свет наследника. Именно поэтому в Саммерс-Глейд было приглашено столько молодых дебютанток. На этот раз объектом их преследования был отнюдь не Рейфел. Светские маменьки прекрасно знали, что Дункану в отличие от наследника герцога Норфорда необходимо жениться.

Как ни странно, в Саммерс-Глейд не пригласили Сабрину Ламберт, очаровательную соседку Дункана, единственную женщину, затронувшую его сердце. Такая прелестная особа, пусть не красавица, но обладает великолепным чувством юмора и может развеселить самую угрюмую личность. Рейфел почти не шутил, когда делал ей предложение. Но он быстро подружился с Сабриной, да и кто на его месте не подружился бы! И даже занялся сватовством, чего раньше

никогда не делал. Все ради того, чтобы они с Дунканом поняли, что созданы друг для друга.

– Что за вздор они несут? – удивился Дункан, подходя к Рейфелу.

– И ты еще спрашиваешь? – ухмыльнулся Рейфел, делая приятелю знак пройти в гостиную, где их не подслушают. – Офелия услышала, как твои гости злословят о ней, и не преминула их отчитать.

– Она еще не уехала?

– Насколько я понял, ждет, когда подадут экипаж. Но ты не представляешь, что случилось после того, как девица Ньюболт покончила с обличениями Офелии. Я и сам еще не пришел в себя!

Рейфел стал свидетелем гневной тирады Мейвис, когда та прибыла в поместье. Девушка, не стесняясь, брызгала желчью. Становилось понятным, почему она стала врагом Офелии. Кое-что из ее высказываний сейчас было повторено в гостиной, хотя теперь, когда Мейвис считала, что свидетелей у них не имеется, она не изливала столько яда на бывшую подругу. Мало того, вроде бы даже оправдывалась, что заставило Рейфела задаться вопросом, так ли все было на самом деле, как убедила их поверить мисс Ньюболт?

Правда, сначала он считал, что Офелия недостаточно раскаивается за все причиненные окружающим неприятности, и намеревался прочитать ей соответствующую случаю нотацию. При этом он совершенно не ожидал того, что произошло, когда застал Офелию одну.

И сейчас он не собирался и дальше держать Дункана в неведении.

– Офелия Рид рыдала у меня на плече. Ну разве не удивительное зрелище?

Но Дункан вовсе не обрадовался страданиям бывшей невесты. Наоборот, громко фыркнул:

– Не думал, что ты не знаешь разницы между истинными и фальшивыми слезами.

– Ошибаешься, прекрасно знаю. Взгляни на мое плечо. Фрак до сих пор влажный.

– От яда, скорее всего, – ухмыльнулся Дункан, мельком взглянув на фрак Рейфела.

Тот рассмеялся. Впрочем, Дункан просто не видел слез, струившихся по прекрасному лицу Офелии. А ведь сцена была достойна кисти художника!

– Ей-богу, они настоящие, – потрясенно пробормотал Рейфел, отстраняя Офелию, столкнувшуюся с ним в коридоре. И даже коснулся пальцем ее щеки, прежде чем добавить: – И вы не подумали разделить с кем-нибудь свою скорбь? Я поражен в самое сердце.

– О-оставьте меня в покое, – выдавила она.

Рейфел не послушался. Неуклюже, невыразимо потрясенный собственным порывом, он притянул ее к себе и позволил выплакаться на своем плече. Конечно, с его стороны это возмутительная глупость, и ему не следовало бы ловиться на такую удочку, как женские слезы, пусть и несомненно искренние. Но ничего не поделать, так уж вышло. И скорее всего, придет время, когда он горько об этом пожалеет.

Рейфел вздохнул про себя, но хрупкое тело Офелии трепетало от обуревавших ее эмоций. И невозможно было поверить, какое количество этих эмоций изливалось сейчас на его плечо. Правда, он не думал, что лед, составлявший ее существо, начал таять. Ничего подобного. Такого просто не бывает. И в семье Лок глупцы не рождались.

Но сейчас он сказал Дункану:

– Какой же ты скептик, старина! Я в отличие от многих знаю разницу! Фальшивые слезы ни в малейшей мере на меня не действуют, а вот неподдельные – каждый раз выворачивают душу наизнанку. Поверь, интуиция меня никогда не обманывает. Она и подсказывает мне, что слезам моей сестрички ни в коем случае нельзя верить.

– А Офелия могла бы рыдать только потому, что страдала от словесной порки, которую устроила ей Мейвис. К тому же у меня есть довольно веское доказательство твоей неправоты, – возразил Дункан.

– Какое доказательство?

– Когда я считал, что придется коротать с девчонкой остаток дней, никак не мог отделаться от мысли, что она никогда не изменится. Что целиком поглощена собой и не видит никого, кроме себя. Я был уверен, что это дело пропащее. Поэтому и решил поговорить с ней. Я сказал, что мне не нравятся ее повадки. Не нравится та злость, которую она изливает на окружающих. Не нравится ее манера обращаться с людьми так, будто, кроме нее, на свете нет никого достойного. Но я был в отчаянии, поэтому и добавил, что мы сможем жить в мире, если только она переменится. Думаешь, она согласилась попытаться?

– Если ты действительно все это высказал, она, возможно, пошла в атаку, – предположил Рейфел.

Дункан покачал головой:

– Нет, просто изложила свои принципы. Сказала, что в ее поведении нет ничего особенного, и подчеркнула слово «ничего». Вот тебе и доказательство. Готов прозакладывать голову: эта красивая змея никогда не изменится к лучшему.

– Не хотелось бы лишать тебя жизни, но всегда готов к дружескому пари. Пятьдесят фунтов на то, что ты ошибаешься. Всякий способен измениться, даже она.

– Давай уж сразу сто, – хмыкнул Дункан. – Люблю выигрывать. Но ведь она возвращается в Лондон, чтобы заварить очередную кашу, и надеюсь, что больше никогда ее не увижу. Так как же уладим наш спор?

– Я тоже возвращаюсь в Лондон, или… хмм…

Мысль, осенившая Рейфела, была настолько странной, что удивила его самого. Поэтому он вовсе не собирался высказывать ее вслух. Сначала следует хорошенько все обдумать и учесть последствия.

– Что? – нетерпеливо спросил Дункан.

Рейфел небрежно пожал плечами, чтобы сбить друга с толку.

– Всего-навсего не оформленная до конца мысль, старина.

– Теперь, когда я спасся от судьбы худшей, чем смерть, – подумать только, жениться на этой фурии, – остается только радоваться, что больше мы не встретимся. И я волен попросить руки той женщины, которую люблю.

Рейфел знал, что друг говорит о Сабрине Ламберт. Та, несомненно, согласится. Судя по улыбке Дункана, он тоже был в этом уверен. Пусть Сабрина клялась, что они всего лишь друзья, но ясно как день, что она влюблена в Дункана.

– Я еще не решил, где остановлюсь, – сообщил Рейфел, – так что посылай приглашение на свадьбу в Норфорд-Холл. Там будут знать, где меня найти.

Дункан кивнул и отправился к дедушкам, сообщить хорошие новости. Оставшись в одиночестве, Рейфел хорошенько обдумал осенившую его поразительную идею. У него всего несколько минут на то, чтобы решить, стоит ли ее осуществлять или лучше вообще отказаться. Скоро прибудет экипаж Офелии, значит, времени на размышления не остается. Либо действовать немедленно, либо обо всем забыть.

Глава 3

Офелия рассеянно смотрела в окно дорожной кареты на унылый зимний пейзаж. Она и Сэди наконец отправились домой, в Лондон, но настроение у нее было не из лучших, да и холодная погода этому способствовала. Офелия уныло озирала коричневую траву, деревья, с которых облетела почти вся листва… словом, сцена такая же унылая, как ее невеселые мысли.

Неужели она действительно воображала, что ее настоящий дебют будет каким-то иным? Что мужчины, с первого взгляда ослепленные ее красотой, не станут виться вокруг? Что еще добрая сотня предложений не добавится к уже

полученным до того, как она достигла брачного возраста? Но зачем им это нужно? Разве хоть кто-то из поклонников любил Офелию? Конечно, нет! Они ведь даже ее не знали!

А ее «подруги»? Мерзкие лгуньи! Боже, как она презирает этих прилипал! Ни одна не может назваться настоящей подругой. И вертятся рядом, в надежде, что им перепадет частица ее популярности и кто-нибудь из мужчин обратит на них внимание! Безмозглые дурочки! Неужели действительно думали, будто она не знает, почему им так нужно считаться ее ближайшими подругами? Но она знала. Всегда знала. Не будь Офелия признанной королевой сезона, они ни секунды не стали бы терпеть ее капризный нрав и взрывы вспыльчивости.

Офелия презирала собственную красоту и все же принимала как должное тот факт, что ни одна женщина не могла с ней сравниться. Мало того, это доставляло ей невероятное удовольствие. Но столь противоречивые эмоции плохо уживались между собой. Неизменно перевешивало то одно, то другое, вызывая в ней смятение и тревогу.

Зеркала были врагами Офелии. Она и любила их и ненавидела, потому что они показывали то, что видели другие при взгляде на нее. Совсем светлые волосы: ни одной темной прядки, портившей их совершенство, – безупречная кожа цвета слоновой кости, изящно изогнутые брови, почти не требовавшие ухода, и ничем не примечательные голубые глаза, освещавшие поразительно красивое лицо. Все черты – точеный прямой носик, высокие скулы, манящие розовые губы, маленький твердый подбородок, который вызывающе выдвигался вперед, когда Офелия упрямилась, то есть почти постоянно, – так удачно гармонировали между собой, что буквально ослепляли каждого мужчину… если не считать двоих, но об этом лучше сейчас не думать.

Офелия взглянула на горничную, сидевшую напротив. Экипаж принадлежал лично ей: не такой большой, как у отца, с нарисованным на дверце гербом графа Деруич, но все же достаточно вместительный, чтобы поставить наверх два сундука с одеждой и саквояжем Сэди. Внутри хватало места для четырех пассажиров. Она уговорила отца разрешить ей обтянуть бархатом сиденья и поставила жаровню для обогрева в зимнее время. Сэди накрыла свои короткие ноги меховой полостью. Но она не носила столько нижних юбок, как хозяйка, и поэтому сильнее мерзла.

– Так вы расскажете мне, что случилось там, в поместье? – спросила Сэди.

– Нет, – решительно отказалась Офелия.

Сэди с сожалением прищелкнула языком.

– Расскажете, дорогая, рано или поздно обязательно расскажете, – уверенно объявила она.

Какая дерзость!

Но Офелия не сочла нужным высказаться вслух. Даже горничные подпадали под очарование ее красоты. Боялись коснуться ее изумительных светлых волос, боялись наполнить ванну слишком горячей или чересчур холодной водой, боялись притронуться к одежде из страха, что все помнут, боялись даже слово сказать. Она увольняла их одну за другой. Количество выгнанных служанок перевалило за дюжину, когда в доме появилась Сэди О’Доналд. Она ни в малейшей степени не благоговела перед хозяйкой. Фыркала в ответ на резкости и смеялась над суровыми взглядами. Сэди вырастила шесть дочерей, поэтому ее не трогали никакие театральные эффекты, как она называла взрывы вспыльчивости Офелии. Полная особа средних лет с черными волосами и темно-карими глазами, Сэди была пряма и временами до жестокости откровенна. Вопреки фамилии она не была ирландкой и однажды призналась, что ее деду просто понадобилось изменить имя.

Обычно Офелия рассказывала Сэди все, не дожидаясь поощрения, хотя близкие люди знали, что она не изложит сути дела, если не задать ей наводящих вопросов. Она сама ненавидела этот свой возмутительный недостаток, как, впрочем, и все остальные.

На этот же раз Офелия не сочла нужным поделиться с горничной, и любопытство взяло верх над Сэди. Что ни говори, а свадьба была назначена на сегодняшнее утро, но Офелия нашла горничную и, к величайшему изумлению последней, велела собирать вещи. На сборы она дала пять минут, заявив, что они немедленно покидают Саммерс-Глейд и возвращаются в Лондон. Сэди уложилась за двадцать минут, поставив своеобразный рекорд скорости и попросту покидав вещи в сундуки как попало.

– Значит, мы оставили его у алтаря? – настаивала Сэди.

– Нет, – сухо ответила Офелия. – И я не желаю об этом говорить.

– Но вы сами твердили, что должны обвенчаться с этим шотландцем и что иного выхода нет, после того как Мейвис застала вас двоих в его спальне. Конечно, вы были очень довольны, тем более что желали его возвращения, хотя бы для того, чтобы покончить со сплетнями, которые пошли по городу после разрыва первой помолвки. Тогда вы передумали и отказывались видеть его…

– Ты знаешь почему! – резко оборвала ее Офелия. – Он и его дед намеревались превратить меня в сельскую простушку! Сама мысль об этом мне отвратительна! Никаких развлечений, никаких новых лиц. Только работа, работа, работа! Мне – и работать?!

– Но вы смирились с этим, дорогая…

– А что я могла поделать? – снова перебила Офелия. – Тем более что Мейвис угрожала погубить меня, если я не выйду за этого грубого варвара!

– Мне казалось, вы согласились с тем, что на грубого варвара он мало похож. Это вы распустили такие слухи еще до встречи с ним, чтобы ваши родители узнали обо всем и первыми разорвали помолвку.

Офелия полоснула горничную злобным взглядом.

– Какое отношение это имеет к случившемуся? Это было раньше, не сейчас. И тогда ничего не вышло! Они потащили меня в Саммерс-Глейд знакомить с ним! И посмотри, что из этого получилось! Всего одна необдуманная реплика с моей стороны, и он так разбушевался, что разорвал помолвку. Но, знаешь, я вовсе не намеревалась оскорбить его! Это ему взбрело в голову шокировать меня, появившись в килте! При чем же тут я? Можно подумать, я раньше видела мужчин в килте! – фыркнула Офелия.

– И можно подумать, вы тут же не высказали своего мнения на этот счет! – парировала Сэди, хорошо знавшая нрав молодой хозяйки.

– Что же, тут ты права, – усмехнулась Офелия. – Но только потому, что к этому времени я совсем отчаялась. Говорят, Мактавиш всю жизнь прожил в горах

Шотландии. Я ужасно боялась, что он действительно окажется варваром. Иначе мне в голову не пришло бы распускать о нем сплетни.

– Но все-таки вы решили, что из него получится прекрасный муж.

– Право, Сэди, я не думала, что ты настолько глупа, – вздохнула Офелия. – Да, я считала Мактавиша вполне подходящим мужем, пока его дед не перечислил все обязанности, которые возлагаются на его будущую жену. Я всего лишь хотела стать светской львицей и давать самые роскошные балы в Лондоне. Люди всеми силами стремились бы на них попасть. Ради этого я и была не прочь выйти замуж и вовсе не собиралась гнить в деревне. А именно этого ожидал от меня Невилл Теккерей!

– Поэтому вы и решили сбежать? – уточнила Сэди.

Офелия подняла глаза к небу. Она и руки бы воздела, не будь они надежно упрятаны в теплую меховую муфту. Придется как-то заткнуть рот горничной!

– Если хочешь знать, Мейвис приехала как раз вовремя, чтобы спасти меня от ужасной участи. И теперь мы возвращаемся домой, – объяснила она коротко.

Больше она ничего не сказала. Даже думать на эту тему не пожелала. Но к сожалению, Сэди слишком хорошо знала, что Мейвис вряд ли решилась помочь Офелии, поскольку теперь бывшая лучшая подруга всей душой ее ненавидит. Горничная была хорошо знакома со всеми приятельницами хозяйки, не раз приезжавшими в дом Офелии. Сама Сэди не осуждала ее. Возможно, она единственная, кто понимал Офелию и принимал такой, какова она есть, со всеми недостатками.

– Я так рада вернуться в Лондон, – неожиданно произнесла Офелия. – Но, полагаю, мой отец будет крайне недоволен, когда узнает, что маркиз не станет его зятем.

– Это еще мягко сказано, дорогая. Когда лорд Теккерей поговорил с ним о брачном контракте, во всей Англии не было человека счастливее. Он так громогласно радовался, что его было слышно на другом конце квартала.

Презрительный тон горничной ничуть не удивил Офелию. Сэди не питала к графу особой любви. Впрочем, как и его собственная дочь.

Офелия поморщилась, вспомнив, как бушевал отец, когда их выкинули из Саммерс-Глейд. Помолвка, которой он так гордился, была разорвана. И тогда он впервые в жизни ударил дочь, поскольку именно ее считал виноватой во всем.

– Послушай он меня с самого начала или хотя бы удели внимание распущенным мной слухам, сам бы не допустил этого брака, и тогда всех неприятностей можно было избежать. Совершенно ни к чему было принимать первое же предложение, которое он посчитал достойным. Я сама нашла бы ему замечательного зятя, по собственному выбору, но он не дал мне ни единого шанса.

– Неприятно говорить это, но вы знаете, почему он был так твердо уверен, что вы сами никогда не найдете подходящую партию.

– Да, – с горечью согласилась Офелия. – Целых три года он перебирал мужчин, выставляя меня напоказ, как дорогую безделушку. Господи боже, я еще не покинула школьную скамью и была слишком юна, чтобы думать о замужестве! А он уже требовал, чтобы я благосклонно улыбалась мужчинам, которые нисколько меня не интересуют.

– Полагаю, нетерпеливость – ваша фамильная черта.

Офелия непонимающе уставилась на Сэди, прежде чем рассмеяться.

– Ты действительно считаешь, что я унаследовала это от него?

– Во всяком случае, не от своей матери. Леди Мэри, благослови ее Господь, потребовалось бы не менее года, чтобы принять решение, особенно если некому ее подтолкнуть.

Офелия вздохнула. Она любила мать, хотя та никогда не умела настоять на своем, особенно в спорах с мужем, даже если речь шла о единственной дочери. Но той следовало помнить, что разговоры с родителями ни к чему не приведут. Отец мгновенно выйдет из себя. Для него дочь – нечто вроде украшения,

полезное орудие для удовлетворения своих амбиций. Ее чувства здесь в расчет не шли.

– Он, вероятно, даже не знает о повторной помолвке с Дунканом, – задумчиво заметила Офелия. – Этот трус-кучер, скорее всего, сообщил только о том, что я уехала в Йоркшир навестить Ламбертов. Собственно говоря, так оно и было, до того как меня снова пригласили в Саммерс-Глейд.

– Но лорд Теккерей наверняка написал ему, – резонно возразила Сэди.

– Да, но сомневаюсь, что он вообще распечатал письмо маркиза, после того как нас выставили из Саммерс-Глейд.

– Считаете, что возвращение домой пройдет гладко и без скандала?

– По крайней мере пока отец не узнал обо всем. Признаться, я хочу, чтобы он услышал эту историю из моих уст.

– Но почему?

– Если бы он с самого начала послушал меня, ничего бы не случилось.

– Лично я не стала бы рисковать еще одной пощечиной, чтобы сказать ему «я тебе говорила».

– А вот я рискнула бы.

Сэди покачала головой и, в свою очередь, уставилась в окно, на заходящее солнце, проглядывавшее сквозь темные тучи. Офелия, в полной уверенности, что она успешно избежала темы, которую не желала обсуждать, поудобнее устроилась на сиденье, исполненная решимости оставить позади печальное происшествие в Саммерс-Глейд. Но ей следовало бы лучше знать Сэди, которая при необходимости могла быть весьма настойчивой.

Вот и сейчас, словно забыв, о чем они говорили, Сэди вновь взялась за свое:

– Мейвис не настолько великодушна, чтобы вам помочь. Я давно предупреждала, что не стоит подпускать ее близко. Слишком уж она ожесточилась в последнее время, особенно после того, как вы обличили ее во лжи.

– Она сама напросилась, – спокойно ответила Офелия. – Я бы промолчала, не доведи она меня своим постоянным ехидством.

– Можете не объяснять, дорогая. Теперь я прекрасно понимаю, что она собой представляет. Вспомните, именно я твердила, что та злоба, которую она копит в душе, обязательно вырвется на волю и обожжет вас. Слишком долго ради этой дружбы вы страдали от ее уколов!

Эмоции так душили Офелию, что голос ее был едва слышен:

– Она была моей единственной настоящей подругой. Я любила ее. И так надеялась, что Мейвис непременно простит меня за те беды, которые, как она считала, претерпела по моей вине. А ведь я всего лишь старалась защитить ее.

– Знаю, – кивнула Сэди, поглаживая муфту, гревшую тонкие руки Офелии. – Тот мужчина, в которого она влюбилась, был распутным глупцом, настоящим негодяем. Он использовал ее, чтобы подобраться к вам. Вы постоянно пытались предостеречь ее. Она и слушать не желала. Возможно, в подобных обстоятельствах я поступила бы точно так же. Ей требовались веские доказательства, и вы их дали.

– И потеряла подругу.

– Но сегодня она, надеюсь, пришла в себя? И поэтому спасла вас?

– О нет, – с горечью призналась Офелия. – Она сделала это только ради Дункана и очернила меня в присутствии его, Сабрины и Рейфела Лока. Сказала, что под моей красивой маской нет ничего, кроме черного, леденящего кровь льда.

Сэди громко ахнула, в точности как Офелия, когда впервые услышала бывшую подругу.

– И это еще не самое плохое, – продолжала Офелия и наконец поведала обо всем, вновь воскресив мучительные воспоминания.

Когда Мейвис высказала Офелии все, что хотела, при этом обидев и даже оскорбив ее, а потом еще и заверила, что у той нет ни единого друга в мире, Офелия ускользнула незамеченной, не в силах скрывать разрывавшую сердце боль. И сейчас, рассказав все Сэди, почувствовала, что жалость к себе вновь душит ее. Подумать только, она плакала! До чего же отвратительно терять самообладание до такой степени. Подобного с ней не случалось с самого детства. Но она не станет думать об этом. Всю свою жизнь Офелия делала все, чтобы избежать душевных мук.

И это ей удавалось. До сегодняшнего дня.

Но Сэди, милая Сэди все поняла. И слушала, не прерывая Офелию ни единым словом. А теперь просто распахнула объятия. И плотину снова прорвало.

Глава 4

Рейфел щелкнул поводьями, чтобы подстегнуть лошадей, запряженных в модную карету. Он искренне наслаждался новыми впечатлениями. Он и раньше правил экипажами, точнее сказать – фаэтонами, в которые запрягалась одна лошадь, но никогда не пытался сесть на козлы больших карет и обычно предпочитал сидеть внутри, как эти две пассажирки.

Господи, как же холодно!

Ветер развевал его светлые волосы, напоминая о том, что ему давно пора подстричься. Правда, там, куда он направляется, цирюльников нет.

Он до сих пор не был уверен, сработает ли его план или с треском провалится. А вдруг он отчаянно сглупил и теперь ему придется расплачиваться за свою ошибку?! Но уж очень хотелось выиграть пари у Дункана. Оставалось только надеяться, что он не пожалеет о содеянном. Еще есть время передумать. Офелия слишком поглощена жалостью к себе, чтобы заметить, куда

направляется. Ей и в голову не пришло взглянуть в лицо кучера. Так что он вполне может свернуть на лондонскую дорогу. Только вот дело в том, что ему этого не хочется. И менять решение – тоже.

Рейфела заинтриговала реакция Офелии на обличения Мейвис. Слезы Снежной королевы превращали прозвище в бессмыслицу. Неужели ее так ранили язвительные речи? Или в ней просто говорит оскорбленное самолюбие?

А потом эта поразительная метаморфоза при разговоре с Мейвис в гостиной! Офелия снова стала надменной и спесивой. Ни малейшего сходства с женщиной, рыдавшей в его объятиях. Он, заодно с окружающими, не щадил эпитетов, чтобы обличить ее. И все же в этой второй беседе проскользнуло нечто новое. Он вдруг осознал, что эта женщина – вовсе не такая ведьма, каковой ее считают. Но Рейфел очень не любил ошибаться. И поэтому решил сам найти все ответы.

Правда, это была лишь одна из нескольких причин, по которым он так импульсивно решил осуществить свою идею. Если его план удастся, он не только выиграет пари с Дунканом, но и получит другие преимущества. Совершит чудо и превратит Офелию Рид в нового человека. В располагающую к себе женщину. И таким образом сделает одолжение всему обществу. Эта затея ему нравилась. Иногда так легко разыгрывать героя!

Но на осуществление замысла его подвигло даже не это! Если верить всему, что наговорила про Офелию ее бывшая подруга Мейвис, – а у него не было оснований ей не верить, – Снежную королеву, несмотря на неземную красоту, презирали все, за исключением влюбленных глупцов, которые ничего не желали замечать, кроме ее лица и фигуры, а подобные дураки не в счет. Как ни странно, именно речи Мейвис выставляли Офелию жертвой несправедливости. А Рейфелу не впервые приходилось вставать на защиту подобных жертв.

Конечно, кроме того, он еще и желал выиграть пари. И Дункан прав: в Лондоне Рейфелу не удастся убедить Офелию изменить свои привычки. Конечно, он мог сопровождать ее на все балы, но чего бы этим добился? Офелия знала, что Лок терпеть ее не может и не раз давал ей это понять. Не может же он притвориться, что воспылал к ней внезапной симпатией! Она ни за что не поверит. Да и ему притворство претит. Кроме того, стоит Рейфелу взглянуть на женщину дважды, и лондонские сплетники немедленно объявят о состоявшейся помолвке. Из-за этого он так и не смог насладиться первым выходом в общество и чередой светских развлечений. Собственно говоря, именно поэтому он

отправился за границу. В общем, лучше, чтобы его пореже видели рядом с Офелией.

Но сейчас Рейфел успел все обдумать.

К добру или к худу, но он сделает все, чтобы помочь Офелии не только понять, что она избрала гибельный путь, но и измениться к лучшему. В этом случае даже она сможет со временем сделать хорошую партию и обрести счастье. Задача не из легких. Но Рейфел любил трудные задачи. И если ему удастся ее решить, все будут рады, даже она.

Наступил вечер. Солнце висело совсем низко над горизонтом. Экипаж Офелии не был приспособлен для ночных поездок. Во всяком случае, не в деревне, где не было уличных фонарей. Рейфел никак не мог решить, поискать ли гостиницу или продолжать путешествие, в надежде найти в темноте Олдерс-Нест.

Олдерс-Нест был одним из владений, унаследованных от деда, и находился в такой глуши, что за эти годы Рейфел бывал там всего несколько раз. Старик называл этот дом убежищем. Правда, отец Рейфела настаивал, что коттеджа будет вполне достаточно. Что никому не нужен чертов особняк в Богом забытом месте. Но дед только рассмеялся и сказал:

– Я? В коттедже? Абсурд!

И поэтому он построил большое убежище в отдаленном уголке Нортамберленда и месяцами наслаждался там уединением. Остальные члены семейства Лок никогда не следовали его примеру на том основании, что Олдерс-Нест слишком далеко от цивилизации. Вот и сейчас до него еще несколько часов пути, а пассажирки, вне всякого сомнения, так же голодны, как он сам. А ведь они даже не добрались до графства Нортамберленд: Рейфел был убежден, что они все еще едут через Дарем. Но гостиницы и здесь были редки, и чем дальше на север удалялся экипаж, тем меньше шансов найти ночлег.

Когда Рейфел в последний раз ехал этой дорогой, он останавливался в доме тетки. Эсмеральда была старшей из многочисленных сестер отца, и хотя вышла замуж за шотландца, все же настояла на том, чтобы жить в Англии. Муж согласился, при условии, если их дом будет недалеко от его родины. Мало того, хотел жить прямо на границе с Шотландией!

В конце концов они решили поселиться в Дареме, графстве, расположенном немного южнее, но до Лондона оттуда было довольно далеко. Овдовев, Эсмеральда могла бы перебраться обратно к родным, но она прожила в Дареме достаточно долго, чтобы полюбить эти места. Как глупо со стороны Рейфела не вспомнить о ней раньше!

Если он не ошибается, ее дом всего в нескольких милях вниз по дороге. По крайней мере боковая дорога точно ведет к нему. Если он уже проехал ее, придется вернуться назад. Офелия ни от кого не узнает, что они сейчас в Дареме, к северу от Йоркшира, а не на полпути к Лондону. Кроме того, из его тетки выйдет дуэнья получше, чем из горничной Офелии, а Рейфел не сомневался, что Эсмеральда согласится немного пожить в Олдерс-Нест. Необходимо сделать все, чтобы его импульсивный план не привел к скандалу.

К счастью, Рейфел уже устранил единственное обозримое препятствие. Родителей Офелии. Приняв решение, он написал им короткую записку и, отведя в сторону лакея, которому предстояло отвезти Офелию в Лондон, велел немедленно доставить послание по адресу. Таким образом он убил двух зайцев одним ударом, поскольку заверил лакея, что найдет для Офелии другого кучера.

Ее родители благоговели перед более высокими, чем у них, титулами. Недаром отец сделал все, чтобы выдать дочь за маркиза. Поэтому Рейфел не сомневался, что они одобрят ее визит к его родным. Он намекнул, что взял Офелию под свое крыло. Если они посчитают, что Рейфел сам заинтересовался ею, он всегда докажет, что они ошибались, и непременно выйдет сухим из воды. Обвинить его будет не в чем.

Нужно проехать пять миль по главной дороге и еще полчаса по боковой, прежде чем покажется дом тети Эсме.

К тому времени, как он добрался до места, уже совсем стемнело. Но из многочисленных окон струился яркий свет, поэтому Офелия сразу поняла, что подъехали они не к гостинице.

Открывая дверцу экипажа, Рейфел приготовился к неприятной сцене, но храбро протянул руку, чтобы помочь даме спуститься. Офелия приняла помощь, даже не взглянув на него. Впрочем, не может же она обращать внимание на каких-то лакеев!

Но он поймал себя на том, что непочтительно таращится на нее…

Рейфел вздохнул. Даже уставшая, в помятом костюме, с распухшими от слез глазами, она была так изысканно красива, что он задохнулся. Впервые увидев Офелию в Саммерс-Глейд, он замер как громом пораженный. Хорошо, что он стоял на противоположном конце комнаты, так что к тому времени, когда его подвели к ней, успел взять себя в руки и скрыть изумление.

Но тут Офелия обернулась, чтобы что-то сказать горничной. Ее взгляд случайно скользнул по Рейфелу, и девушка тихо ахнула.

– Что, во имя всего святого, вы здесь делаете? Провожаете меня в Лондон? – набросилась она на него.

– Вовсе нет. Вы решили, что один из лакеев маркиза отвезет вас в Лондон, но получилось так, что он довез вас только до Оксбоу, решив поискать там кучера. Лакеям платят не за долгие отлучки из Саммерс-Глейд. Только сам маркиз может разрешить подобную поездку. Поэтому я делаю вам одолжение, дорогая девочка, тем более что нам по пути.

– Так это вы нас везете?!

– Поразительно, верно?

В ответ на его задорную ухмылку Офелия пренебрежительно фыркнула:

– Не ждите благодарности. Тем более что я вас об этом не просила.

Рейфел, как правило, не лгал и терпеть не мог лжецов. Но если быть честным до конца, придется признаться Офелии, что ее похитили, а такой разговор добром не кончится. У нее и в мыслях не было, что они едут вовсе не в Лондон, а Рейфел доберется до места только завтра. Поэтому она пока что не должна ни о чем знать.

Офелия, пожав плечами, направилась к парадной двери, но постепенно замедлила шаг и остановилась. Очевидно, поняла, что перед ней не гостиница, а чьи-то владения.

– Где мы? – спросила она, оглянувшись. Пока что в голосе не звучало ничего, кроме любопытства.

Рейфел молча помог горничной спуститься вниз, прошел мимо Офелии и постучал в дверь. Он намеренно заставил ее ждать ответа. Трудно сказать, насколько у красавицы хватит терпения, и поэтому следовало крайне осторожно подбирать слова в общении с ней.

Рейфел уже хотел что-то сказать, но отшатнулся, словно отброшенный назад ее злобным взглядом. Потребовалось несколько секунд, чтобы он опомнился и принял свой обычный невозмутимый вид.

– Видите ли, у меня множество родственников по всей Англии. Очень удобно, особенно когда путешествуешь. Это дом моей тети Эсмеральды. Впрочем, сама она предпочитает именоваться Эсме. Мы проведем здесь ночь. Уверяю, здешние постели куда мягче гостиничных.

Не успел Рейфел договорить, как дверь открылась. На пороге стоял старый Уильям, щурясь на вновь прибывших сквозь узкие очки. Бедняга был настолько же слеп, насколько была глуха его хозяйка, но по-прежнему выполнял обязанности дворецкого. Эсме буквально украла его из отцовского дома, когда вышла замуж и зажила своим хозяйством. По крайней мере так уверял предыдущий герцог.

– Кто тут? – спросил Уильям. Очевидно, очки не слишком помогали престарелому дворецкому. Будь сейчас день, он, возможно, узнал бы Рейфела. А может, и нет. Сама Эсмеральда уже немолода, а Уильям намного старше хозяйки. Ему, должно быть, уже за девяносто.

– Это Рейф, старина. Просим приюта на ночь. Утром мы уезжаем. Нам нужны три комнаты, и неплохо бы поужинать. Моя тетушка еще не спит? Или уже удалилась к себе?

– Сидит в гостиной. Пытается сжечь дом: набила камин дровами так, что он раскалился едва не добела.

Рейфел, привыкший к жалобам дворецкого, только усмехнулся. Эсмеральда сильно мерзла зимой и легко простужалась. Вся в свою матушку! Большинство родных не любили посещать Агату Лок, потому что в ее покоях в Норфорд-Холле вечно стояла невыносимая жара. Но Уильям не желал признаваться, что в таком возрасте и при его ревматизме тепло – это единственное спасение.

– Пойду дам ей знать… – заговорил Рейфел, но его грубо перебили.

– Я бы хотела сразу подняться в свою комнату, благодарю вас, – объявила Офелия, входя в переднюю. – И, если можно, принесите туда поднос с ужином.

– Разумеется, миледи, – механически ответил Уильям. Конечно, при его зрении он не мог разглядеть модного дорожного костюма. Но повелительного тона было достаточно, чтобы признать в ней аристократку.

Рейфел покачал головой, глядя вслед Офелии, поднимавшейся по лестнице. Она приняла как должное, что Уильям следует за ней, чтобы показать комнату. Но при его дряхлости он вряд ли решится поспешить за гостьей и сейчас наверняка обратится к экономке, передоверив ей свои обязанности. Поэтому Офелии придется подождать. Очевидно, она уже забыла о присутствии Рейфела и не намеревалась вступать с ним в беседу. Рейфел не привык к тому, что его игнорируют. И хотя он радовался, что не придется лгать снова, если она спросит, когда они прибудут в Лондон, все же ее полное безразличие невольно задевало.

– Значит, увидимся утром, – сказал он ей в спину.

– И как можно раньше, – бросила она не оборачиваясь. – Не хочу целый день провести в дороге.

Рейфел, не дослушав, скрылся в гостиной, в надежде, что она обернется и увидит это. Но она, скорее всего, и не подумает обернуться. Проклятая кичливая ведьма!

Глава 5

– То есть как это «похитил»?! Ну-ка, мальчик, повтори, что ты сейчас сказал! Я, должно быть, ослышалась!

Рейфел погладил руку тетки. Кричать он не собирается, тем более что сидит слева от нее, а левое ухо Эсме все еще довольно хорошо слышит. Правда, она закутала шарфом шею и уши, а на плечах лежит толстая шаль. Странно еще, что она перчаток не надела!

Боже, какая здесь жара!

Рейфел ослабил воротник сорочки. Он ужасно замерз после долгого пути, но, пробыв в гостиной две минуты, немедленно сбросил сюртук.

– Ты не ослышалась. Но это не то, что ты думаешь. Через несколько дней я получу разрешение родителей девушки удерживать ее в своем доме столько, сколько мне заблагорассудится.

– Они продают ее тебе?

– Нет-нет, ничего подобного. Они всего лишь вообразили, что у меня на уме женитьба. Собственно говоря, так оно и есть, но вот только женюсь на ней не я. Эта девчонка – сущая фурия. Грубая, злая и к тому же сплетница. Она распространяет лживые слухи, не думая о том, что они могут кого-то ранить.

– Разве половина Лондона не занята тем же самым? – презрительно хмыкнула Эсмеральда.

– По крайней мере они убеждены, что передают чистую правду. Офелия же прекрасно сознает, насколько фальшивы ее измышления, – рассмеялся Рейфел.

– В таком случае зачем она тебе понадобилась?

– Взял на себя труд перевоспитать ее. Она несравненная красавица. Представь, если вдруг окажется, что ее душа так же прекрасна.

– И тогда она будет достаточно хороша для тебя?

– В тебе, кажется, снова проснулись инстинкты свахи? Не стоит, тетя Эсме. Уверяю, при встрече она тебе не понравится.

– Но ты же собираешься перевоспитать ее, так что я постараюсь проигнорировать первые впечатления.

– Почему женщины всегда такие оптимистки? – покачал головой Рейфел.

– Наверное, потому, что вы, мужчины, – ужасные пессимисты. Впрочем, допускаю, что ты можешь стать исключением. Тем более что считаешь, будто сумеешь изменить характер девушки к лучшему.

– Что же, ты вселяешь в меня некоторую надежду. Если все получится, я сам отвезу ее в Лондон и позабочусь, чтобы она нашла хорошего мужа. Только я тут ни при чем. Мне еще нужно как следует насладиться жизнью, прежде чем я решу остепениться.

– Но зачем тебе это вообще нужно?

– Если хочешь знать, я заключил пари. Мой друг убежден, что Офелия Рид – дело безнадежное. Я с ним не согласился, поэтому мы поспорили.

– Мне следовало бы догадаться, – неодобрительно буркнула Эсме. – До чего же дурная привычка, мальчик мой! Ты легко принимаешь любой вызов. Но почему мне кажется, что в этом случае ты блефуешь?

– Я? – ухмыльнулся племянник. – Никогда так не говори. Я предпочитаю называть это перевесом в игре. Но кому-то нужно было поднять перчатку! Девчонке требуется помощь, чтобы избавиться от своих недостатков. Просто потому, что она не считает их недостатками. Кстати, я намереваюсь сыграть роль бескорыстного рыцаря, поэтому что ты скажешь насчет поездки в Олдерс-Нест? Ты будешь идеальной дуэньей для Офелии.

– Почему бы вам попросту не остаться здесь?

Немного подумав, Рейфел качнул головой:

– Твой дом находится в недостаточно уединенном месте. Слишком много соседей.

– И что из этого?

– Видишь ли, я не намереваюсь держать ее под замком. Но и не хочу, чтобы она сбежала и вернулась в Лондон, нарушив мои планы. Я не смогу ей помочь, если она решит покинуть гнездышко.

– Как пожелаешь, – пожала плечами Эсме, но, не удержавшись, добавила: – Мне всегда хотелось своими глазами посмотреть на причуду отца, как называли Олдерс-Нест мы с сестрами. Мы там никогда не бывали. Впрочем, отец и не приглашал никого из родных, когда сбегал туда от шума, который мы поднимали в Норфорд-Холле.

– Неужели?! Не может быть! Ты? Неугомонный ребенок?

– Я этого не сказала! – отрезала тетка, но карие глаза весело искрились. – Это мои сестры, Джулия и Коринтия, вечно кричали громче всех. А заводилой был твой отец. Не проходило и дня, чтобы он не издевался над нами, не гонял по всему дому и не затевал очередной проделки. Хорошо, что он со временем угомонился.

А сам Рейфел? Последует ли он примеру отца? Во всяком случае, одна привычка, которую он унаследовал от нынешнего герцога, не изжила себя. Он любил дразнить свою сестру Аманду. Впрочем, милая крошка была так легковерна, что он просто не мог с собой совладать.

– Мы уезжаем на рассвете, – предупредил он, закатывая рукава сорочки и вытирая лоб. – Только не говори Офелии, куда мы направляемся. Она все еще думает, что мы возвращаемся в Лондон.

Он снова вытер лоб, глянул на ревущий в камине огонь и наконец не выдержал:

– Ты действительно так замерзла, тетя Эсме?

– Нет. Просто хочу, чтобы Уильям чувствовал себя полезным, – ответила она шепотом, на случай если старик подслушивает. – Он поговаривает о том, чтобы уйти на покой. Но мне будет ужасно его не хватать. Здесь почти не бывает гостей, поэтому ему редко приходится открывать парадную дверь. Зато он протапливает камин.

Рейфел рассмеялся:

– Не возражаешь, если я на несколько минут открою окно?

– Ради Бога, – кивнула Эсме.

Глава 6

Ночью шел снег, хотя не такой густой, чтобы долго лежать на земле. Однако сейчас вокруг расстилались сказочные пейзажи. Еще одно из противоречий, терзавших Офелию: она обожала снег, но не выносила слякоти, когда белоснежное покрывало таяло на глазах. Конечно, до сих пор ей приходилось видеть подобные картины только в Лондоне. Гайд-парк был так красив после снегопада, но копыта коней и колеса тяжелых экипажей быстро превращали снег в коричневое месиво. Но сегодня она по крайней мере может вдоволь полюбоваться снегом, прежде чем он исчезнет.

Кучер – ее все еще забавляло называть кучером наследника герцогского титула – уже ожидал в передней. Ради него она надела самый красивый дорожный ансамбль, тот самый, в который нарядилась для Дункана Мактавиша, когда приехала в Оксбоу, пытаясь с ним помириться. Она знала, что выглядит неотразимой в белом меховом капоре и голубом бархатном пальто с короткой пелериной, отделанной тем же мехом. По крайней мере зеркало уверило в этом Офелию.

В тот день она ослепила Дункана, хотя не настолько, чтобы его смягчить. Очевидно, ее оскорбление ранило слишком глубоко. А ведь она всего-навсего назвала его варваром! Да, ничего не скажешь, ситуация была не из легких. Но игра Офелии была безупречной! Одна из лучших ее ролей, если можно так

выразиться! Она хотела, чтобы Дункан простил ее. Тогда они снова обручатся и сплетням будет положен конец. Ну а потом они найдут способ разойтись полюбовно, как и следовало сделать в прошлый раз. Но Офелия также хотела, чтобы он не изменил своего нелестного мнения о ней и не вообразил, будто влюблен в нее. Такого допускать нельзя!

Она тщательно и очень осторожно уравновесила свое раскаяние с высокомерными репликами, и Дункан сам подсказал ей прекрасный выход, посчитав самодовольной и высокомерной. Она прекрасно помнит его последнюю фразу: «Вряд ли мне захочется состязаться с собственной женой за каждый знак ее внимания».

В то время она была очень раздосадована, а вот теперь находила весьма забавным то обстоятельство, что избавилась от перспективы кошмарного брака и может снова наслаждаться жизнью. Ну разве не смешно, что красивый, богатый лорд Лок решился стать ее кучером? Конечно, это очень мило с его стороны, по крайней мере еще вчера Офелия именно так и считала. Но, немного подумав, задалась логичным вопросом: к чему человеку, который терпеть ее не может, брать на себя столь нелегкую обязанность?

А он действительно терпеть ее не может и без обиняков давал понять это при каждом разговоре в Саммерс-Глейд. Впрочем, он, возможно, не сумел найти подходящий экипаж, тем более что его сестра одна вернулась в Лондон. Так что, возможно, он вовсе не делает ей одолжения, как намекал вчера. Что же, это даже к лучшему. Она не хочет быть у него в долгу.

Но и не против того, чтобы их имена упоминались вместе, а это обязательно случится, если кто-то из знакомых увидит его на козлах экипажа Офелии. Ведь знакомые, особенно мужчины, наверняка будут высматривать ее экипаж. Что же, семейство Лок настолько известно, что Офелии наверняка будут завидовать! Кроме того, ей все еще необходимо найти мужа, и предпочтительно до конца сезона.

Теперь, когда над головой не висит угроза «договорного» брака, она может уделить все внимание поискам подходящего мужчины. Ее критерии вовсе не настолько высоки. Ей всего лишь нужно, необходимо найти того единственного, которого не сразит ее красота. Который приложит все усилия, чтобы узнать ее, ее настоящую. Который не будет клясться в вечной любви, не имея представления о том, что это такое – вечная любовь. Разве она так уж много

просит?!

– Вот вы где! – воскликнул Рейфел, стоявший у подножия лестницы. – Я мог бы поклясться, что вы собирались выехать как можно раньше.

Офелия скрипнула зубами. Вот тебе и очаровала, чтобы заставить пожалеть о том, как он был резок с ней! А на деле Рейфел всего лишь мельком глянул на нее, накидывая пальто на широкие плечи.

Вообще-то она легла в постель в начале вечера, так что до рассвета успела выспаться. И специально задержалась наверху, чтобы все успели отдохнуть перед долгой дорогой. В следующий раз она прибережет свою заботу для тех, кто в ней нуждается.

– Вчера я очень устала, – объяснила Офелия, – иначе спустилась бы вниз, чтобы познакомиться с вашей тетей. Я буду иметь это удовольствие перед нашим отъездом?

– Разумеется. Мало того, она едет с нами. Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы немного потесниться?

– Боитесь, что вас увидят в моем обществе и без дуэньи? – съязвила Офелия, спускаясь по лестнице.

– Я знал, что вы поймете. Никому не нравится, если доброе дело оборачивается против него самого.

– Если дело действительно доброе. Сомневаюсь, что вы способны на такие, – сухо заметила она. – Почему бы не признаться, что ваша сестра укатила, оставив вас в Саммерс-Глейд, где вы застряли, не имея возможности выбраться оттуда? Собственно говоря, это я делаю вам одолжение…

– Позволив мне ехать в вашем уютном теплом экипаже? – перебил он, вскинув брови.

Офелия почувствовала, что краснеет. Какого черта! Она никогда не краснела! Розовые пятна вовсе не идут к ее коже цвета слоновой кости! Вид такой, словно

у нее лихорадка! Так некрасиво!

Но он даже не заметил, что расстроил Офелию, и преспокойно продолжил:

– Почему бы нам некоторое время не потерпеть общество друг друга, раз уж так все вышло?

– Прекрасно, – бросила она, – при условии, что это «некоторое время» долго не продлится. Думаю, что хоть с трудом, но выживу.

Ей показалось, что он тихо охнул, но может быть, она и ослышалась.

В этот момент из гостиной вышла престарелая леди в сопровождении молодой горничной. Обе были одеты по-дорожному. Офелия предположила, что это и есть тетка Рейфела. Закутанная в тяжелое пальто и теплую пелерину, она к тому же замотала голову толстыми шерстяными шарфами, из-под которых едва виднелось ангелоподобное личико.

– Вы, должно быть, леди Эсмеральда, – улыбнулась Офелия, протягивая руку. – Я Офелия Рид. Рада видеть…

– Громче, девушка, – сварливо перебила Эсмеральда. – Я совершенно глуха!

– Я сказала, что…

– И кричать ни к чему, – оборвала Эсмеральда. – Я не настолько глуха!

Офелия широко улыбнулась:

– Помочь вам сесть в экипаж?

– У меня пока еще ноги в порядке, девушка.

Офелию вовсе не оскорбили неприязненные ответы старой леди. Мало того, она находила их весьма забавными.

– Счастлива это слышать. Моя горничная вышла чуть пораньше, чтобы разжечь жаровню, так что в экипаже будет тепло.

– Превосходно, – кивнула Эсмеральда. – Я очень это ценю. Уильям, держите оборону, пока меня не будет. У меня предчувствие скорого возвращения.

– Разумеется, миледи, – поклонился дворецкий.

Эсмеральда величественно проследовала во двор.

Офелия заметила, как морщился Рейфел при каждой реплике тетки. Не презирай она этого мужчину всей душой, наверняка объяснила бы, что характер человека с годами портится и она прекрасно это понимает. Но очевидно, Офелия ошиблась, предполагая, что именно Эсмеральда вызвала его недовольство, потому что он с силой схватил ее за руку, не дав последовать за старушкой. Это не тот человек, который обычно залихватски ухмылялся в самых серьезных обстоятельствах. Перед ней – истинный Лок, дьявол во плоти. Она дважды наблюдала его в том состоянии, когда гнев стирал всякое подобие светского лоска и учтивости.

– Что, черт возьми, это означает? – прорычал он. – Не воображайте, что можете использовать мою тетку для своих махинаций. Я этого не допущу!

Она не сразу поняла, что имеет в виду Лок. Но потом кивнула. Значит, и он думает о ней плохо. Должно быть, его поразила ее необычная вежливость с пожилой женщиной!

Офелия презрительно усмехнулась:

– Какая прекрасная мысль! Неприятно разочаровывать вас, лорд Лок, но я всегда симпатизировала пожилым людям. Уверяю, мы с леди Эсмеральдой прекрасно поладим. Не стоит беспокоиться, что я ужалю ее своим ядовитым языком. А вот вас…

– Я все понял, пояснения ни к чему, – оборвал он, хотя уже не так резко. – Садитесь в экипаж. Чем скорее мы доберемся до места, тем мне будет спокойнее.

– Как ни странно, в этом я совершенно с вами согласна, – фыркнула она, направляясь к двери.

Глава 7

Еще одной неприятной привычкой Офелии было стремление оставить за собой последнее слово. Правда, та же привычка имелась и у Рейфела, отчего повадки девушки безмерно его раздражали.

Он уже начинал испытывать нечто вроде угрызений совести. Правда, он и до этого сомневался в целесообразности своего плана, но, увидев, как предупредительна Офелия с его пожилой теткой, он был немало удивлен. Вежливость и Офелия – вещи совершенно несовместные, и такое поведение противоречило всему, что он о ней знал. Даже тетушка это отметила. Недаром сказала Уильяму, что уверена в своем скором возвращении.

Объяснения Офелии звучали разумно. Слишком разумно. Даже зная, какая она интриганка, Рейфел все же засомневался. Но он не слишком хорошо знал Офелию, чтобы понять, лжет она или говорит правду. Но если подумать хорошенько, мисс Рид должна быть записной лгуньей, иначе просто не смогла бы безнаказанно провернуть все те проделки, которые ей приписывали.

Прошлой ночью он отослал письмо Сабрине с одним из лакеев тетушки, которому поручил непременно отдать послание в собственные руки адресату и привезти ответ. Сабрина знала Офелию лучше, чем Рейфел. Недаром она жила в доме Ридов, когда стала впервые выезжать в свет. Кто-то упоминал, что тетка Сабрины и мать Офелии дружили с детства. Но в любом случае список прегрешений Офелии у Сабрины куда длиннее, чем у него. А Рейфел хотел знать об Офелии все, прежде чем начать кампанию по ее перевоспитанию. Оставалось надеяться, что Сабрина не замедлит с ответом.

Они провели еще один долгий день в пути, покинув Дарем и углубившись в Нортамберленд. До убежища деда оставалось не так уж далеко. Они уже приехали бы, но погода оставалась плохой, и лошади не могли быстро скакать по раскисшей дороге.

Рейфел попросил Эсмеральду захватить корзину со съестным, чтобы не останавливаться на обед. Она и его покормила, хотя очень трудно было жевать, не снимая перчаток. Но он горько жалел, что не остановился в последней гостинице, мимо которой проезжал, хотя бы для того, чтобы согреться. Чем дальше углублялись они на север, тем чаще встречались островки снега и тем безжалостнее становился ветер.

Других гостиниц не встретилось. Собственно говоря, он и не ждал чуда. Олдерс-Нест находился вдалеке от населенных мест. Наконец, к закату, он добрался до поместья. Из одной трубы шел дымок: очевидно, управитель дома сумеет развести в каминах огонь, который выгонит холод из его костей. Но прежде чем он сможет насладиться теплом, предстоит неприятный разговор со взбешенной Офелией, причем на этот раз ее ярость будет вполне оправданна.

Приготовившись к неминуемой стычке, он открыл дверь экипажа.

– Вам следует поспешить в дом, леди, – предупредил он, – иначе мы все здесь замерзнем.

– В экипаже было невыносимо жарко, – пожаловалась Офелия. – Я даже задремала, хотя вовсе не утомилась.

Она первая, с помощью Рейфела, спустилась вниз. И похоже, вовсе не собиралась спешить. Оглядев большой особняк, она сварливо осведомилась:

– Итак, где мы? В доме очередной тетушки?

– Нет. Этот дом принадлежит мне.

– Но почему мы остановились здесь? Лондон, должно быть, совсем близко, и мы наверняка сможем добраться туда до наступления ночи.

– Мы очень далеко от Лондона, дорогая. Добро пожаловать в Олдерс-Нест.

Офелия недоуменно нахмурилась и, не говоря ни слова, оглядела унылый пейзаж с полузамерзшими болотами, простиравшимися насколько хватало глаз. Когда он приезжал сюда летом, вид вересковых пустошей был поистине

великолепен. Но сейчас впечатление было невеселым.

– Надеюсь, здесь имеются слуги, – заметила Эсмеральда, выходя из экипажа. – Учти, я не умею готовить.

– Не волнуйтесь, тетя Эсме. Здесь живет управитель, который много лет присматривает за домом. Он служил еще твоему отцу. Когда я живу здесь, его жена исполняет роли экономки и кухарки. По-моему, у них есть несколько дочерей, так что штат слуг будет укомплектован к сегодняшнему вечеру, самое позднее – к утру.

Эсмеральда кивнула и поспешила к двери, уже открытой Бартоломью Гримшодом, немолодым управителем Рейфела. За Эсме последовала ее молодая горничная. Проходя мимо Рейфела, она благодарно улыбнулась, но тот был так поглощен созерцанием Офелии, что почти не обратил на нее внимания.

Лондонская красавица не двигалась с места. Вид у нее был самый ошеломленный.

– Почему мне кажется, что мы останемся здесь надолго? – требовательно бросила она.

– Потому что так оно и есть.

– Черта с два! Я требую, чтобы вы немедленно отвезли меня в Лондон, как и обещали.

– Можете требовать чего и сколько хотите. Я остаюсь здесь. И, если припомните, никогда не обещал отвезти вас в Лондон, просто сказал, что нам по пути. Так оно и было. Я с самого начала намеревался отправиться в Олдерс-Нест.

С этими словами он помог Сэди спуститься. Та, протирая заспанные глаза, бросала на молодых людей недоуменные взгляды: очевидно, она кое-что слышала из разговора.

– Не заходи в дом, – велела Офелия, схватив ее за руку. – Мы уезжаем.

Рейфел, не обращая внимания на эти слова, спокойно отошел. Офелия, по всей видимости, не привыкшая к такому невниманию мужчин, возмущенно ахнула. Но он вовсе не собирался торчать на холоде в ожидании, пока она соизволит расспросить его.

– Лорд Лок! – окликнула она, но, не дождавшись ответа, повысила голос: – Рейфел! Черт побери, Рейф, немедленно остановитесь.

Он и не подумал послушаться. Но все же помедлил в дверях, чтобы сказать Бартоломью:

– Оставьте весь багаж на крыльце, прежде чем уведете лошадей… лучше в свою конюшню. Я помогу вам внести сундуки, когда немного отогреюсь.

– Разумеется, милорд, – кивнул управитель. – И долго вы собираетесь гостить?

– Честно говоря, понятия не имею, но на это время мне нужен штат прислуги. Подумайте, что можно сделать. Да… насчет дамы, которая так назойливо вопит за моей спиной… ситуация, видите ли, непростая. Но постарайтесь попросту игнорировать ее…

– Я все слышала! – рявкнула Офелия, подходя ближе. – И я не потерплю, чтобы меня игнорировали!

Управитель поспешил уйти. Офелия повернулась и скомандовала горничной:

– Не давай ему распрячь лошадей!

Горничная, по всей видимости, уже сообразившая, что их обманули, вне себя от гнева, коротко кивнула и с решительным видом последовала за Бартоломью. Рейфел понял, что дело добром не кончится, но он так замерз, что просто не было сил вмешиваться в спор.

Он с тяжким вздохом протянул Офелии руку, давая знак идти в дом.

– Если постараетесь успокоиться, я все объясню. Обещаю. Как только мы останемся наедине. Надеюсь, вы не собираетесь расстраивать мою тетку,

устроив безобразную сцену. Прошу вас, немного терпения, потому что мне сначала нужно оттаять. Вы всю дорогу провели в теплом экипаже. В отличие от меня.

Он направился к гостиной, где, как считал, уже ждет Эсме, но позади раздалось поистине змеиное шипение:

– Только попробуйте снова бросить меня одну!

Рейфел остановился и обернулся.

– Кажется, я упоминал о терпении? – сухо осведомился он. – Уверен, что упоминал.

– Откуда вы взяли, что я обладаю подобным качеством?! Чего нет, того нет, уж извините.

– Полагаю, придется поработать и над этим. И начнем немедленно. Слушайте внимательно, Офелия. Вы спокойно идете в гостиную, садитесь и не произносите ни слова, пока для нас не будут готовы комнаты.

– А если я не сделаю ничего подобного?

– В таком случае и я не стану торопиться выкладывать причины, по которым вы оказались здесь. Собственно говоря, объяснения вовсе не обязательны…

– Вздор! – перебила она. – Держите свои чертовы объяснения при себе! Я еду домой!

Метнувшись назад, она едва не столкнулась с вернувшейся горничной.

– Управитель не желает меня слушать, – пробормотала та. – Он выполняет только приказы господина!

С уст Офелии сорвалось тихое рычание.

– Интересно, кто из вас сядет на козлы, если мой человек будет вынужден пренебречь вашими требованиями? – злорадно ухмыльнулся Рейфел.

Офелия круто развернулась и злобно уставилась на него.

– Если хотите получить объяснения, – добавил он, пожимая плечами, – а у меня они есть, предлагаю сделать, как вам говорят, потому что мне вовсе нет нужды оправдываться, чтобы достичь своей цели. Конечно, вам придется остаться в неведении, но уверен, что вам это безразлично.

– Шутите! – ахнула она.

– Терпение есть добродетель. И поскольку вы не обладаете ни терпением, ни другими добродетелями, если уж на то пошло, пусть эта будет первой, которую вы усвоите. Уроки, моя дорогая, начинаются прямо сейчас.

Глава 8

Офелия до сих пор кипела от гнева. Виконт попросту спятил! Почему никто не упоминал об этом раньше?

Она уже несколько минут сверлила яростным взглядом спину Рейфела, стоявшего перед камином с протянутыми к огню руками. Негодяй не обращал на нее ни малейшего внимания! Будто она – пустое место! А ведь она вот уже час сидела в гостиной, упражняясь в терпении и не перемолвившись с присутствующими ни единым словом.

Успевшую согреться Эсмеральду увели наверх, в ее комнату, но перед уходом она успела сказать несколько слов пылающей молчаливой злобой Офелии:

– Не дуйтесь, девушка. Это вам не идет. Попробуйте правильно разыграть карты – и обязательно окажетесь в выигрыше.

Интересно, что это означало? Офелия не осмелилась спросить, поскольку в комнате находился Рейфел. Ничего, еще есть время все узнать, когда она

потолкует с Эсме. Та явно в курсе происходящего! Неужели тетка Рейфела заодно с племянником? Похоже, что так… хотя Офелия искренне надеялась на обратное. Ей не помешает еще один союзник, кроме Сэди. Но пока виконт не даст обещанного объяснения, она будет молчать, даже если придется сойти с ума от досады!

Горничным показали помещения для слуг. Сэди вернулась и сказала госпоже, что ее комната готова, но Офелия знаком велела ей уйти. Она с места не тронется, пока Рейфел не изволит объяснить, в чем дело. А этот проклятый дьявол намеренно заставляет ее ждать гораздо дольше, чем необходимо!

Она исходила злобой. Тряслась от бешенства.

Офелия в жизни не была так разъярена. И никак не могла придумать достойного способа заставить его заплатить за эту наглость.

Она снова и снова пыталась понять, что здесь делает. Но что тут можно понять, если она даже не знала, где находится!

Еще глядя в окно экипажа, она краем сознания удивлялась, почему они путешествуют по столь пустынной местности. Дома встречались редко, а чаще всего вообще не встречались, но она все время дремала и к тому же предположила, что Рейфел, скорее всего, знает окольные дороги, которыми легче попасть в столицу. Но кругом не было ничего, кроме бесконечных пустошей. А его особняк оказался единственным на много миль вокруг, так что она представления не имела, где он расположен.

Но ничего, Офелия выяснит, где они. И что этот человек вообразил себе, когда привез ее сюда, вместо того чтобы доставить домой! Неужели он так спесив, что думает, будто имеет право… на что? Какими мотивами он руководствовался?!

Единственное, что ей приходило в голову, – тот же мотив, с которым она неизменно сталкивалась в общении с мужчинами. Он наверняка добивается Офелии… исключительно ради ее красоты, как и другие. А поскольку его семья богата и знатна, он считает возможным похитить девушку, воображая, что подобная выходка сойдет ему с рук! Или решил скомпрометировать ее? Убедить, что любит, хотя испытывает одно лишь вожделение?

– Итак, мы сегодня научились терпению?

Ледяной взгляд Офелии вновь остановился на широкой спине Рейфела. Какой надменный тон! Знает, что у него на руках все козыри! А ведь, задавая вопрос, он даже не соизволил обернуться!

– Не… научились, – сухо выдавила она, задыхаясь от ярости.

– Жаль, – обронил он, направляясь к выходу.

Несколько мгновений она смотрела на него, не веря собственным глазам. Он в самом деле собирается уйти!

Офелия вскочила, намереваясь загородить собой дверь, но столик перед диваном, на котором она сидела, был придвинут слишком близко, поскольку ей успели принести поднос с ужином. Правда, она не съела ни крошки, но теперь колени ударились о стол. Чашка и блюдце с грохотом свалились на пол. Офелия в ужасе всплеснула руками.

Рейфел тут же остановился.

– С вами все в порядке? – сочувственно осведомился он.

– Да… то есть нет!

Она имела в виду свое настроение, а не легкий ушиб колена, но Рейфел со вздохом кивнул:

– Садитесь. Полагаю, мы сможем поработать над терпением в другой день.

Она не собиралась уточнять свои слова, особенно теперь, когда он, похоже, передумал и решил объяснить, что они тут делают.

Рейфел уселся на тот же диван, хотя довольно далеко от Офелии, но все же повернулся к ней лицом.

– Надеюсь, вы намерены объяснить, почему я здесь, а не в Лондоне.

– Совершенно верно. Мы с вами собираемся…

– Я так и знала! – резко перебила она. – Вы задумали скомпрометировать меня, чтобы заставить выйти за вас замуж. Но я не…

Она осеклась, потому что Рейфел рассмеялся. Искренне. Весело. Не будь Офелия так сердита, наверняка бы расстроилась из-за столь непростительного промаха. И он быстро подтвердил ее опасения:

– Господи, откуда взялись столь жуткие мысли?!

– Какие же еще у вас причины притащить меня сюда? – уже менее запальчиво осведомилась она.

– Я как раз пытался объяснить, когда вы меня перебили. Но поскольку вы об этом упомянули, позвольте заверить, что присутствие моей тетки гарантирует вашу полную безопасность. Наше пребывание здесь не вызовет ни малейшего скандала, и ваша репутация останется безупречной. Обещаю, что вы ни в малейшей степени не будете скомпрометированы.

– Пока мой отец не услышит о насилии над своей дочерью! – предсказала она.

– О каком насилии идет речь, дорогая?! Вы просто приглашены погостить в фамильном поместье Локов. Кроме того, я вызвался лично проследить за тем, чтобы вы сделали прекрасную партию. Ваш отец уже осведомлен об этом. Я послал ему записку еще до отъезда из Саммерс-Глейд.

– Визит? Без моего ведома и разрешения?

– А вы отказались бы?

Похоже, он ожидал отрицательного ответа. Ничего, его ждет сюрприз!

– Разумеется, отказалась бы.

– А ваш отец?

– Нет, он вытолкнул бы меня из дома, спеша поскорее отправить сюда, – с невольной горечью призналась девушка и немедленно пожалела о вырвавшихся словах, когда Рейфел самодовольно заключил:

– Так я и думал.

– Но вы нуждались в моем разрешении, – хмуро напомнила она, чем, однако, нимало не поколебала его самодовольства.

– Видите ли, как уже было в случае вашей первой помолвки с Дунканом, требуется только позволение ваших родителей, – с улыбкой поправил он. – Конечно, вы считаете это ужасно несправедливым. Но тем не менее так оно и есть.

Он снова вернулся к обычному сардоническому тону. Чертов негодяй наслаждается, объясняя, как мало власти она имеет над собственной жизнью.

– Но это не совсем ваше фамильное поместье, – указала она. – И где, во имя Господа Бога, мы находимся?

– Нортамберленд.

– Но это почти рядом с Шотландией!

– Ну, до Шотландии отнюдь не рукой подать. Это большое графство, хотя действительно граничит с Шотландией.

– Значит, вы солгали моему отцу в своей записке! – торжествующе воскликнула она. – Ваша семья живет вовсе не здесь! Когда я скажу ему правду…

– Вы еще понятия не имеете, в чем заключается правда, – с легким раздражением заверил он. – Но к тому времени, как вы снова увидитесь с отцом, будем надеяться, что ваша точка зрения на многие вещи разительно изменится.

– То есть надеяться будете вы? – ехидно уточнила она.

– Нет, – задумчиво протянул он. – По-моему, я все верно сформулировал, тем более что вы не уедете отсюда, пока ваш характер не изменится к лучшему.

– Вы не можете держать меня здесь пленницей! – возмутилась она.

– Почему бы нет?

Такого она не ожидала. Ее словно громом поразило!

Не успев опомниться, она вскочила и почти взвизгнула:

– Потому что вы не имеете права!

– У вас всегда столь бурная реакция?

– Да, когда меня беззастенчиво провоцируют!

Он участливо прищелкнул языком, очевидно, ничуть не впечатленный ее яростью.

– Ничего подобного у меня в мыслях не было! И мы продолжим беседу без этих театральных эффектов, так что садитесь, ведите себя прилично и, возможно, поймете, что у меня есть веская причина привезти вас сюда.

– Какая же именно?

– Ваше счастье, – просто ответил он. – Или хотите заявить, будто уже счастливы без меры?

О каком счастье могла идти речь? Впрочем, это не его чертово дело.

– Благодарю, но я сама позабочусь о своем счастье.

– Как заботились раньше? Губя жизни других людей? Именно это делает вас счастливой? Или вам нравится унижать и оскорблять людей? О, погодите, я

понял! Цель вашей жизни – распускать слухи, в которых нет ни крупицы правды! Должно быть, это приводит вас в экстаз!

Офелия почувствовала, как по щекам ползет предательский румянец, и попыталась обороняться:

– Вы ничего не знаете обо мне, кроме того, что говорят окружающие. Но что в этом общего с моим счастьем? Да и почему вы так стремитесь меня осчастливить? Вернее говоря, как вы можете сделать меня счастливой, если я вас презираю?!

– А вы действительно меня презираете?

Офелия потрясенно уставилась на него:

– Вы не были в этом уверены? Имелись какие-то сомнения? После всех гадостей, которые вы наговорили мне в Саммерс-Глейд?!

Рейфел пожал плечами:

– Я всего лишь предупредил вас, что не стоит распускать сплетни обо мне и Сабрине.

– Вы предположили, что я собираюсь распускать сплетни, хотя мне в голову такое не пришло бы. Я просто пыталась оградить Сабрину, опасаясь, что вы ее погубите. И действительно думала, что вы с ней спите. Уж очень много внимания вы уделяли бедняжке. Но вместо того, чтобы заверить, что я ошибалась, вы пригрозили уничтожить меня, если я еще раз упомяну об этом.

– И не зря, учитывая вашу склонность к распространению сплетен.

– Итак, мы снова вернулись к исходной точке нашего разговора. Вы самоуверенно толкуете о делах, в которых совершенно не разбираетесь и о которых понятия не имеете, – суховато констатировала она. – И мы установили, что вы, лично вы, никак не можете способствовать моему счастью и поэтому завтра же отвезете меня домой.

– О, тут вы ошибаетесь, – не задумываясь, произнес он. – И я вовсе не обещал сделать вас счастливой. Однако я помогу вам найти счастье и существовать в мире с собой.

– Я и без того пребываю в мире с собой! – рявкнула она.

– Да, судя по вашему тону, именно так и есть, – кивнул он, вставая.

– Куда вы? – вскинулась она.

– Поужинаю и пойду спать. Кажется, завтра нас ожидает тяжелый день.

– Но вы ничего мне не объяснили!

Рейфел удивленно вскинул брови:

– Разве? Ну что же, постараюсь быть кратким. Я намерен превратить вас в добрую, славную женщину, в обществе которой приятно бывать. И наслаждение беседой с вами не будет иметь ничего общего с вашей поразительной красотой. Все только и будут говорить, как вы милы и благовоспитанны. И я отвезу вас домой, только когда вы сможете убедить меня, что нам это удалось.

Глава 9

Его беседа с Офелией прошла куда спокойнее, чем он предполагал!

Рейфел лежал в огромной дубовой постели, занимавшей главное место в хозяйской спальне. Конечно, шокировать Офелию Рид настолько, чтобы та промолчала целый час, совсем неплохо. Это, конечно, ничего не решало, зато помогло ему сбежать от нее на весь остаток ночи.

Она тоже легла: Рейфел убедился в этом, прежде чем уйти к себе. Втайне он опасался, что она может попросту сбежать, исключительно из глупого стремления доказать свою правоту.

Но и сам он вопреки надеждам не смог уснуть.

Не стоило ему под огнем ее ярости принимать оборонительную позицию. Из-за этого Рейфел и не сказал ей всей правды. Он не собирался держать в тайне свое пари с Дунканом. Но стоит ли Офелии знать, что решение перевоспитать ее возникло из-за пари? Нет, разумеется. Того, что он сказал ей, вполне достаточно, чтобы трудиться вдвоем над совершенствованием ее характера… когда Офелия перестанет злиться. Когда признает, что ее поведение возмущает всех… кроме нее самой. Дункан прав: она явно считает, что ей нечего стыдиться и что в ее поведении нет ничего предосудительного. Но возможно, Офелия никогда не посмотрит на себя со стороны. Не поймет, какими кажутся ее поступки окружающим.

Боже, неужели он ищет для нее оправданий? Снова его мучают эти проклятые сомнения!

Он не рассчитывал на то, что ему будет так трудно игнорировать ее поразительную красоту. Он предпочел бы восхищаться Офелией. Не враждовать с ней. И рад был бы зацеловать ее до умопомрачения, вместо того чтобы… откуда, черт возьми, взялась эта мысль?

Но он знал. И потребовалось нечеловеческое усилие воли, чтобы она не заметила, как его влечет к ней. Впрочем, Рейфел был уверен, что это скоро пройдет Теперь, когда он понимает, что послужило пищей для его сомнений, можно предпринять необходимые шаги, чтобы… да, это сработает! Лучше вообще не смотреть на нее. Таким образом они добьются многого, и без особых трудов.

Повернувшись на бок, Рейфел всадил кулак в подушку. Черт, как же он презирает себя за мысли, которые не дают спать.

– Почему вы это делаете?

Рейфел не остановился на пути к обеденному столу. Не взглянул на Офелию, в одиночестве сидевшую за завтраком. Должно быть, специально его дожидалась. Интересно, сколько времени ей пришлось провести здесь до его появления? На тарелке лежала только корочка тоста.

– Не возражаете, если перед тем, как мы начнем, я сначала поем?

– Возражаю.

– В таком случае это самое подходящее время, чтобы попрактиковаться во вчерашнем уроке, не так ли?

Заслышав его голос, в комнату вошла Нэн с большим блюдом. Она и Бет, ее мать, прибыли вчера вечером, как раз чтобы успеть подать холодный ужин. Порядочные, чистоплотные деревенские жительницы, они были рады помочь по дому.

– Завтрак не слишком обилен, милорд, – предупредила Нэн, ставя перед ним блюдо. – Мой отец отправился на рынок, чтобы пополнить запасы, но скорее всего, вернется только поздно вечером или завтра утром. Здесь хватит еды на несколько дней, но ничего изысканного не ждите.

– О, не стоит извиняться, – улыбнулся Рейфел, – тем более что мы не предупреждали о визите.

Нэн кивнула и поспешила назад, на кухню. Офелия нервно барабанила пальцами по столу. Рейфел уставился на ее руку.

– Я не назвал бы это терпением, – заметил он.

– Я уже предупреждала, что у меня такового нет. Это один из моих недостатков, существование которого я готова признать. Никакого терпения.

По крайней мере хотя бы тон ее был сдержанным… пока.

– Так вы признаете это недостатком? Не хотели бы избавиться от него?

– Может, и хотела бы, но в вашей помощи не нуждаюсь! – отрезала она.

Рейфел намазал маслом ломтик свежеиспеченного, хорошо поджаренного хлеба.

– Сколько вам лет? Восемнадцать? Девятнадцать? И все еще не знаете, что такое терпение? Вы действительно нуждаетесь в помощи. И я готов выступить в роли наставника.

– Вернее, в роли дьявола, не так ли?

Рейфел с усмешкой взглянул на нее:

– Меня обзывали и похуже. И да, я уверен, что вы будете всячески проклинать меня. Но пока что смиритесь и с благодарностью примите мою помощь.

Офелия фыркнула. Рейфел расхохотался:

– Ладно, согласен, благодарности тут излишни.

Теперь в ее взгляде светилась откровенная злость, Рейфел пожал плечами и продолжал игнорировать ее, вернее, пытался. Лучше заняться едой. По крайней мере будет хоть на что смотреть. Черт, сегодня утром она выглядела ослепительной, в розовом тюлевом утреннем платье с сиреневой отделкой. Ни одного выбившегося из прически волоска. Только у висков кудрявятся несколько трогательных локончиков. Были ли моменты, когда она не казалась олицетворением неземной красоты? Гнев, во всяком случае, ее не портил.

– Где ваша тетя? – неожиданно спросила она, продолжая постукивать по столу.

– Думаю, прячется, чтобы не видеть вашей кислой физиономии.

– А вам обязательно оскорблять меня каждой своей фразой? – процедила она.

– Разве я оскорблял вас? Интересно, почему бы это? – лениво осведомился он, заметив, что ее щеки чуть порозовели. Сейчас она стала еще красивее. Зря она не румянится… нет, не зря. Пусть уж лучше не пытается ничем себя приукрасить. Она и без того неотразима.

Неуместные мысли смягчили его настолько, что он потрудился объяснить:

– Она редко появляется до полудня. И хотя наверняка проснулась, любит проводить утро в одиночестве, со своим вязаньем. Кроме того, она заядлая читательница. Вот и предпочитает собственное общество. Не сомневаюсь, что один из ее сундуков был набит книгами.

– Спасибо, но я не нуждаюсь в таком обилии информации.

– Не привыкли к обыкновенной беседе, которая не посвящена исключительно вам?

Румянец стал ярче. Вот оно! Наконец-то хоть что-то лишило ее неземного сияния и придало более нормальный вид. Вот почему она не пользуется косметикой! Чуть больше, чем нужно, и на щеках словно выступают красные лихорадочные пятна!

Пытаясь хоть немного отвлечься от ее лица, он пробормотал:

– Надеетесь перетянуть ее на свою сторону? Можете не трудиться. Она – мой неизменный союзник.

Офелия не стала ничего отрицать:

– Вряд ли она сумеет примириться с тем, что вы творите!

– Ей ни к чему в это вмешиваться. Эсме знает, что ваши родители дали мне свое благословение, и этого для нее вполне достаточно. Как, впрочем, должно быть, и для вас.

– Благословение, которое вы обманом выманили у моего отца, пользуясь его смехотворным благоговением перед более высокими, чем у него, титулами.

Он услышал нотки горечи в ее голосе. Как всегда, стоит ей упомянуть об отце. Очевидно, Офелия не слишком любила своего родителя. Но и граф Деруич вряд ли питал большую любовь к дочери, если пытался принудить ее к замужеству, которого та явно не желала.

Офелия не ждала ответа и продолжала молчать. Даже рука спокойно лежала на столе. Однако она не спускала взгляда с Рейфела, отчего тот испытывал странную неловкость. Он вдруг вспомнил, как беззастенчиво она флиртовала с ним в Саммерс-Глейд, до повторной помолвки с Дунканом. В то время ему пришлось предупредить ее, что в его семье мужчины добиваются женщин, а не наоборот, и что они терпеть не могут притязаний навязчивых, пытающихся поймать жениха дам. Однако Офелии он, очевидно, нравился. Иначе она не стала бы с ним кокетничать. Впрочем, это произошло до выговора, который она от него получила. Тогда Рейфел был в бешенстве, услышав ее намеки на то, что Сабрина – его любовница.

После этого он дал ей резкую отповедь, и она с тех пор невзлюбила его. Правда, и он не относился к ней с особой симпатией, так что их взаимная неприязнь только осложнит его задачу. Однако он не пытается заслужить ее благосклонность только ради того, чтобы облегчить предстоящий ему труд. Черт возьми, ни за что. И без того он тратит уйму усилий, стараясь игнорировать ее красоту. Не хватало еще, чтобы она строила ему глазки!

– Если вы позавтракали, – сказала она наконец, – я бы хотела получить ответ на свой главный вопрос.

Он еще не наелся, но она задавала так много вопросов, на которые он не подумал ответить, что пришлось уточнить:

– Какой именно?

– Почему вы делаете это со мной?

– А-а, это… По ряду причин.

– Я готова довольствоваться одной.

– Вас терпеть не могут в обществе, если не считать, разумеется, бесконечного потока мужчин, которые еще не поняли, какая злобная вы фурия.

– О нет, я вовсе не фурия. Но вам до этого не должно быть дела. Так что мне нужна причина более веская.

– Прекрасно. Я считаю довольно странным, что девушка, такая прекрасная, как вы, может быть столь очевидно несчастной. Вот и решил исправить положение. Считайте это моим добрым деянием за этот год. И должен не согласиться с вашей реакцией на первую причину. Я всегда питал слабость к жертвам несправедливости и помогаю им, если могу, конечно. В вашем случае я на это способен.

– Ну да, всем известно, что вы благородный защитник униженных и угнетенных, – признала она. – Даже я об этом слышала. Но сама не отношусь к той категории людей, которым требуется ваше покровительство. И не рекомендую даже намекать на это…

– Конечно, относитесь, дорогая, – спокойно перебил он. – Назовите хотя бы одного человека, который симпатизирует вам, кроме, разумеется, ваших родителей и той толпы кретинов, о которых вы уже упоминали.

– Моя горничная, – торжествующе произнесла Офелия, втайне радуясь, что нашлась с ответом.

Рейфел закатил глаза к небу:

– Горничные не в счет.

– Идите к черту! – бросила она и, к его удивлению, встала из-за стола.

– Куда вы?

– Отправлюсь домой пешком, – сообщила она не оглядываясь.

Рейфел расхохотался. Офелии волей-неволей пришлось помедлить перед дверью.

– Я вполне серьезно, – процедила она. – Найду кого-нибудь, кто поможет мне вернуться в Лондон.

– Уверен, что найдете, но на поиски, скорее всего, уйдет целый день. И что вы будете делать? В такую погоду можно не только замерзнуть, но и безнадежно

заблудиться.

Офелия тяжело дышала, очевидно, обуреваемая эмоциями. Пожалев ее, он предложил:

– Возвращайтесь, садитесь, и я объясню, почему это не столь уж блестящая идея. Лучше съешьте еще кусочек тоста.

Офелия молча прошла мимо него к противоположному концу стола, подняла стул, который освободила несколько минут назад, с грохотом поставила на пол, чтобы показать, как рассержена, и только потом уселась.

– Слушаю, – проворчала она.

Он едва удерживался от смеха. Пришлось набить рот тостом, что, разумеется, вынудило ее ждать ответа, а ведь они уже установили, что терпение – не самая сильная ее сторона. Но ее театральные выходки действительно его забавляли, тем более что она ничуть не притворялась. У Рейфела было такое чувство, что именно таким способом она привыкла добиваться своего. Придется добавить пункт «избалованная» к длинному списку ее недостатков.

– Ну? – спросила она, окатив его ледяным взглядом.

Он поспешно опустил глаза.

– Кажется, я забыл упомянуть, в какой глуши находится Олдерс-Нест. Мой дед купил здесь огромный участок земли именно по той причине, что поблизости нет ни городов, ни деревень, ни даже других поместий, и выстроил этот дом в самом центре своих владений.

– Зачем? – спросила она с искренним любопытством.

– Прекрасный вопрос, который задавали члены нашей семьи все эти годы. Он решил получить нечто вроде убежища для себя, причем такого уединенного, что остальные родственники дважды подумают, прежде чем его навестить. Дед и не скрывал своих мотивов. В то время его дом был битком набит шумными детишками.

– Но для того чтобы уехать подальше от назойливого семейства, вовсе ни к чему было строить столь величественный особняк. Сошло бы и что-то поскромнее.

– Все тоже так считали, но что ни говори, а дед был герцогом. И жилище менее роскошное просто не подобало такому знатному человеку.

– Наверное, здесь он держал любовницу, – язвительно заметила она.

Хорошо еще, что Рейфел успел проглотить кусочек тоста, иначе наверняка подавился бы.

– Господи, что за странные мысли приходят вам в голову. Нет, он обожал жену и детей и никогда не покидал их надолго. Просто иногда он ощущал потребность в полном покое и одиночестве. Не часто. Недели на две в году.

Офелия небрежно пожала плечами, словно не оскорбила только что его и его семью своими беспочвенными утверждениями.

– Это всего лишь предположение.

– Нет. Это наглядная демонстрация вашей пресловутой злобы.

– Ничего подобного! – возмутилась она.

– Поскольку вы не знаете ни моих родных, ни деда, подобные измышления можно назвать не иначе как мелочными, грязными и клеветническими. Кстати, если мужчина содержит любовницу, он не запрет ее в Богом забытом месте, куда можно добраться не менее чем за несколько дней.

– Полагаю, вы судите по собственному опыту.

Она неисправима! Неужели не понимает, что оскорбляет людей? Неужели ехидство и змеиный яд так въелись в ее душу, что иным способом она просто не умеет общаться?

Она точно угадала, о чем он думает.

– О, неужели вы считаете, что после случившегося мне следует быть с вами более сердечной? Я еще и не начала оскорблять вас. Дайте мне время. Я над этим работаю.

Рейфел усмехнулся и покачал головой. Боже, он и не рассчитывал на ее остроумие.

– Конечно, я не ожидал от вас сердечности… пока. Именно над этим я и работаю, помните? Но да, я исхожу из собственного опыта. Разве вы не слышали о моей репутации повесы и распутника?

– Слышала. Но не поверила. Потому что вы – следующий герцог Норфорд, – пояснила она, чопорно поджав губы, – а это означает, что вы достаточно осмотрительны, чтобы вступить в права и получить титул без всяких скандалов, чернящих ваше имя.

– Понятно. Вы считаете скандальным, когда холостой мужчина содержит любовницу?

– Н-нет, – нахмурилась она, – но полагаю, я имела в виду женатых мужчин.

– Все в порядке, дорогая. Можете спокойно признать, что вообще не думали на эту тему. С вами ведь часто бывает такое? Говорите не подумав?

Опять она мило покраснела. Придется как следует потрудиться, чтобы довести ее до багровых пятен на щеках.

– Если вы считаете, что уже достаточно вываляли меня в грязи, – прошипела она, – вернемся к нашим делам.

– Привести вам достаточно веский довод, почему уйти отсюда пешком вовсе не безопасно?

– Да, и это тоже. Не хотите же вы, чтобы я поверила, будто этот дом находится в таком отдалении, что я не смогу найти помощи у соседей?

– Здесь нет соседей, – ухмыльнулся Рейфел. – Но вы можете расспросить слуг. Они скажут вам, что дом Бартоломью, специально построенный для управителя, – единственный на добрых пятьдесят миль в округе, а ближайший рынок – еще дальше. Или не слышали, как Нэн упомянула, что ее отца не будет целый день, потому что он уехал на рынок?

– Но это невыносимо!

– Видите ли, именно потому я и привез вас сюда, а не в одно из других поместий. По крайней мере здесь вам позволено свободно гулять по дому и участку.

– То есть вы не собираетесь сажать меня под замок?

– Совершенно верно.

Офелия недоуменно моргнула.

– Я всего лишь шутила.

– Понимаю, зато я вполне серьезен. И чем раньше вы осознаете всю степень моей решимости помочь вам, тем скорее мы уедем отсюда.

– И каким же образом вы намереваетесь мне помочь? – саркастически осведомилась она. – Собираетесь открывать школу? Давать уроки обаяния? И для этого похищаете учеников?

– И нечего нести вздор!

– Весь ваш план смехотворен, но если для меня не приготовили классную комнату, каково же расписание уроков?

– До этой минуты я еще не пробовал ничего столь устрашающего. По-моему, нам не стоит торопиться. Посмотрим, как все пойдет.

«Устрашающего»? У Офелии больно закололо сердце.

– Поскольку вы, очевидно, считаете меня совсем пропащей, почему бы не признать, что вы сделали ошибку, и не отвезти меня домой?

– Считай я вас совсем пропащей, нас здесь не было бы. И нет, возвратить вас домой – это не выход.

Офелия скрипнула зубами.

– Вы по-прежнему не дали вразумительного ответа, почему все же решили вмешаться в мою жизнь. А вам не приходило в голову, что мне нравится быть такой, какова я есть? И что я вовсе не хочу меняться?

– Чепуха. Вы несчастны и поэтому стремитесь сделать несчастными всех окружающих. Офелия, даже ребенок может это понять! О господи, только не смейте плакать!

Но Офелия уже выскочила из комнаты, надежно скрыв навернувшиеся на глаза слезы. Рейфел не стал ее останавливать. Чертовы плаксы! Он не мог выносить искренних женских слез и не хотел, чтобы она знала это и использовала против него. Но он не ожидал, что его стрела так точно попадет в цель. Вопрос заключается в том, что сделало ее такой?!

Глава 10

– Ну-ка немедленно прекратите, – тоном суровой матери велела Сэди, входя в спальню Офелии, – не то глаза покраснеют и распухнут.

Офелия, рыдавшая на кровати, села. Она сама не знала, откуда берется столько слез, но теперь ей стало немного легче. Иногда все же не мешает выплакаться!

– Красный пойдет к этому платью, – попыталась пошутить она.

– Красный не идет вам ни при каких обстоятельствах. Это не ваш цвет, дорогая. И что опять случилось, позвольте спросить? Вчера вы были так разгневаны, что даже не хотели со мной говорить, а теперь опять плачете?!

– Он дурной человек. Поверить не могу, что, хоть и ненадолго, думала, что из него выйдет хороший муж.

– Зато он унаследует знатный титул, – заметила Сэди.

– Можно подумать, меня это интересует! Титулы радуют исключительно моего отца!

– Знаете, даже до меня дошли сплетни о милорде Локе, когда тот вернулся в город. Он разбил столько девичьих сердец и разочаровал стольких мамаш! В него влюбляются не только из-за титула и богатства. Он и сам хорош собой, и так очарователен!

– А вот мне предпочитает грубить, – напомнила Офелия.

– Должно быть, вы плачете, потому что неравнодушны к виконту. Что ни говори, а он настоящий красавчик!

Офелия и рада была бы запротестовать, но не могла. Только еще больше обозлилась на то, что при такой внешности человек может быть столь отвратителен!

– Ты чего-то добилась?

Офелия послала Сэди узнать, куда поставили ее экипаж. Конечно, женщины не могут править четверкой лошадей, но она подумывала ехать верхом, по крайней мере пока не узнала, в какой глуши оказалась.

– Экипаж в конюшне. Но лошадей нет. А слугам запрещено говорить с нами об отъезде.

– Это меня не удивляет, – вздохнула Офелия. – Похоже, мы здесь застряли.

– Я так и поняла. Надолго ли?!

– Пока он не признает, что перешел все границы, похитив меня.

– Значит, у него и в мыслях не было вас скомпрометировать?

Офелия задохнулась от бешенства.

– Я тоже считала, что он таким образом задумал жениться на мне, но мы обе ошиблись. Я даже не нравлюсь ему! Он, видите ли, желает мне помочь, но я не вижу в этом ни малейшего смысла.

– Помочь вам? – нахмурилась Сэди. – Каким образом похищение может вам помочь, интересно бы узнать?!

– Намеревается показать, какая я злобная, жуткая фурия, – саркастически пояснила Офелия. – И по-моему, он не успокоится, пока я не исправлюсь и не стану такой сладенькой, что залью патокой все его мраморные полы.

Сэди разразилась смехом.

– Именно это он сказал вам, дорогая?

– Он не шутил.

– В таком случае покажите ему, какой милой и доброй вы можете быть!

– Ни за что!

– Понимаю, вы слишком расстроены. Но если это поможет нам добраться домой… о, не важно, я все равно в это не верю. А вдруг он тайно влюблен в вас и привез сюда, чтобы ухаживать без помех? Это кажется куда более правдоподобным. Что ни говори, а начало вашего знакомства было более чем неудачным.

– И с тех пор все стало еще хуже. Он открыто признается, что терпеть меня не может.

Сэди упрямо покачала головой:

– Это может быть всего лишь стратегическим приемом. Довольно старый трюк, если хотите знать.

– Что за трюк?

– Главное – заставить вас поверить в его недоступность, – серьезно пояснила Сэди. – На людей это действует безотказно. Большинство немедленно захотят заполучить недосягаемое.

– Со мной это не пройдет, – заверила Офелия.

– Но он этого не знает. Пока.

Офелия нахмурилась. Пожалуй, стоит это обдумать… нет-нет, глупости! Но ведь объяснение Рейфела казалось еще более глупым. Изменить характер Офелии, хотя он ничего не знает ни о ней, ни о том, что побуждало ее вести себя именно так?!

Она покачала головой:

– Поверь, я сразу пойму, если мужчина втайне испытывает ко мне нежные чувства. А Лок не перестает меня оскорблять. Ему доставляет удовольствие твердить, что никто меня не любит. Он назвал меня злобной фурией. Он так же отвратителен, как Мейвис. Считает меня гнусной сплетницей.

– Но временами вы действительно бываете сварливой и буквально накидываетесь на людей.

– И никогда – без причины. Меня тошнит от неискренности и лжи, а с открытием сезона это стало настоящей эпидемией. Дошло до того, что я больше не могу никому доверять… кроме тебя и матушки, разумеется. К тому же ты по крайней мере знаешь, что я многое говорю вполне намеренно. Иногда горечь

прорывается наружу независимо от меня.

– Понимаю, – вздохнула Сэди и, сев рядом с Офелией, обняла ее за плечи.

– Очень больно… – пожаловалась та.

– Знаю, – утешила Сэди и поспешила добавить, прежде чем у хозяйки вновь хлынули слезы: – Я уже говорила, что на улице снова пошел снег? Я ведь и пришла к вам, чтобы сказать об этом.

– Снег?

Раньше Офелия с восторгом восприняла бы новость: ей всегда нравилось наблюдать, как падает снег. Но сейчас она была слишком расстроена, чтобы полностью отдаться одному из своих немногих развлечений. Правда, она взглянула в сторону окон, затянутых прозрачными белыми шторами, пропускавшими в комнату тусклый дневной свет. Жаль, что утром она не попросила Сэди раздвинуть шторы – ей казалось, что из окна все равно не видно ничего интересного.

Офелии отвели угловую комнату, многочисленные окна которой выходили на унылые пустоши. И хотя комнату нельзя было назвать неуютной, для женщины она не совсем подходила. Если Рейфел не солгал и его дед действительно искал в Олдерс-Нест только одиночества, наверное, все остальные спальни мало чем отличались от этой. Никакого туалетного столика, зато имелся чудесный письменный стол вишневого дерева с изящной резьбой по краям и ножкам, перед которым стоял обтянутый плюшем стул. Между окнами располагалось большое мягкое кресло для чтения. Вдоль другой стены тянулся длинный книжный шкаф, рядом с которым возвышался гардероб с зеркалом на внутренней стороне дверцы. Лампы на двух пристенных столиках у двуспальной кровати были совсем простыми, но давали много света по вечерам.

Пол был застлан огромным ковром в коричневых и пурпурных тонах, доходившим до самого камина с мраморной полкой, что позволяло Офелии ходить по комнате босиком. На всех стенах висели картины. На одной были изображены играющие в поле дети. На других – оживленная городская улица, женщина с грустным лицом и ваза с одиноким цветком. Картины, вне всякого сомнения, оживляли комнату.

Конечно, полностью обставить дом такого размера казалось невероятной экстравагантностью и требовало больших расходов. Кроме того, он выглядел слишком большим для одного человека, который бывал здесь не более двух недель в году. Офелия слышала, что Локи довольно богаты. Должно быть, это правда, хотя ей совершенно все равно, даже если наследник подавится всеми фамильными денежками!

Она, как могла долго, противилась желанию выглянуть в окно, но наконец все же отодвинула штору и стала любоваться большими хлопьями падающего снега, почти закрывшими землю.

– Как чудесно, – вздохнула Офелия.

Подошедшая Сэди встала рядом:

– Я так и думала, что вам понравится.

– По крайней мере он достаточно густой, чтобы украсить эти тоскливые пейзажи.

– Кухарка упомянула, что здесь очень красиво, когда вереск в полном цвету. Представляете, кругом, насколько хватает глаз, – один цветущий вереск.

– Полагаю, это действительно необыкновенно, – кивнула Офелия, хотя любила снег куда больше цветов.

– Если это продолжится, к утру здесь ляжет толстый белоснежный ковер, – предсказала Сэди.

А вот это уже интересно!

– Ты так думаешь? – разволновалась Офелия.

– Мы достаточно далеко к северу, чтобы застрять здесь, и надолго. Снег такой густой, что не удивлюсь, если он будет идти еще несколько часов. Может, распаковать вашу теплую одежду?

Сэди хорошо знала Офелию. Та любила гулять по только что выпавшему снегу, особенно если покров был достаточно глубок.

– Пожалуй, можно распаковать все вещи, – со вздохом ответила Офелия. Она не позволила Сэди сделать это прошлой ночью, в твердой уверенности, что они не останутся здесь. – Вряд ли мы уедем в ближайшие дни, – добавила она и, широко раскрыв глаза, спросила: – Надеюсь, веки не покраснели?

– Собираетесь снова броситься в схватку? – предположила Сэди.

Офелия не отрицала, что хочет поискать Рейфела. Нужно наконец выяснить отношения. Тем более что она сумела взять себя в руки.

– Ты можешь сказать, что с моими глазами?

Горничная покачала головой.

– Взгляните сами. Здесь есть зеркало, которое еще не успело стать вашим врагом.

– Сэди! – предостерегающе бросила Офелия.

– Вовсе не красные, и очень жаль. Ему не повредит узнать, что вы плакали. Поверьте, угрызения совести иногда творят чудеса, особенно с мужчиной.

– Он знает, – сухо ответила Офелия. – Но у этого человека нет ни капли совести. О каких угрызениях идет речь? У дьяволов их просто не бывает, уж поверь мне!

Глава 11

Сначала Офелия даже не заметила Рейфела в гостиной, хотя искала именно его, а он преспокойно сидел на диване. Шторы на окнах были раздвинуты, и Офелия улыбнулась, заметив, что снегопад усилился.

– Вам уже лучше? – спросил Рейфел.

Офелия обернулась. Улыбка мгновенно погасла.

Рейфел отложил книгу, которую, очевидно, читал до ее прихода. Он успел снять сюртук, скорее всего потому, что в камине ревел огонь. Оказалось, что на другом диване восседает Эсмеральда. Комната была достаточно велика, чтобы вместить три дивана и несколько удобных кресел. Пожилая женщина посмотрела на Офелию поверх книги и коротко кивнула:

– Доброе утро, девочка. Кстати, вряд ли сейчас еще утро. Наверное, день уже в полном разгаре, поскольку я ужасно проголодалась. Знаете, я ведь не завтракаю, но это означает, что мне очень трудно дождаться обеда.

Улыбка снова расцвела на лице Офелии. Только на этот раз она была адресована Эсме.

– На кухне уже гремят кастрюлями, и, значит, леди Эсме, вам не придется долго ждать.

– Что? – не расслышала Эсме. – Пойду-ка я в столовую, подожду там. Не хотите присоединиться?

– Через минуту, – уже громче сказала Офелия, стараясь не кричать. – Мне нужно перемолвиться парой слов с вашим племянником.

– Звучит зловеще, – поежился Рейфел, глядя вслед тетке.

– Все шутите, милорд Лок? Не вижу в создавшейся ситуации ничего забавного.

– Ничуть не шучу, тем более что с тех пор, как мы добрались сюда, вы только и делаете, что кричите, жалуетесь, рвете и мечете.

– И на это у меня есть довольно веские причины, не находите? Или действительно считаете, что я еще и поблагодарить вас должна за похищение?!

Рейфел тяжко вздохнул, но решил набраться терпения.

– Садитесь рядом. И зовите меня Рейфом, как все мои друзья.

Она ответила таким красноречивым взглядом, что он ухмыльнулся и добавил:

– И враги тоже. Нет, честное слово, это действительно так. Если не возражаете, я буду звать вас Фели. Чем меньше формальностей между нами, тем…

– Возражаю.

– Жаль. Но, как я говорил, до того как меня грубо прервали, чем меньше…

– Говорю вам, я возражаю, – снова перебила Офелия. Пусть его раздражает ее поведение, ей все равно, она не собирается позволить ему так себя называть! Помолчав, она все же решила объяснить: – В детстве мои подруги прозвали меня Фели. Когда я считала их своими истинными подругами, это меня ничуть не беспокоило. Но позже я обнаружила, что на самом деле все обстоит иначе. С тех пор это имя связано для меня с ложью и обманом. Каждый раз, когда я его слышу, снова вспоминаю о предательстве.

Она не думала повергнуть его в молчание. Но он ничего не ответил, а в глазах светились одновременно сочувствие и… жалость? О нет, не стоит ее жалеть. Она этого не потерпит!

Немного придя в себя, Рейфел спросил:

– Скажите, ваше детство действительно было столь… необычным?

– Не стоит в это углубляться, – предупредила она.

Рейфел пожал плечами:

– Нет, так не пойдет. Имя Офелия чересчур напыщенно, и, как я уже говорил, причем дважды, если припоминаете, мы достигнем гораздо большего и гораздо быстрее, если покончим с официозом. Как насчет Фелии? Нет, лучше просто Фел. Немного по-муж- ски, но…

– Прекрасно! – рявкнула она. – Сойдет и Фелия.

– Я так и думал, – усмехнулся он.

Офелия недобро прищурилась. Он ответил невинным взглядом. Ничего не скажешь, его тактика не выдерживает никакой критики, зато по крайней мере ясна и понятна. Он вовсе не пытается уловками добиться ее покорности. Просто пускает в ход свое несомненное обаяние.

Видя, что Офелия и не подумала сесть, Рейфел встал.

– Вы действительно хотели обсудить что-то очень важное, как намекнули тетушке?

– Да… но не могли бы мы выйти в холл? Не понимаю, как вы можете выносить такую жару?

– Видите ли, мне нравится быть в обществе моей тетушки, а ей нужно немного больше тепла, чем нам с вами.

– Знаю. Именно поэтому я велела разжечь жаровню в экипаже. Ничего, полагаю, я к этому привыкну.

– Значит, вы можете быть снисходительны к слабостям окружающих? – делано изумился он. – Я потрясен.

– Не стоит. Я уже сказала, что уважаю старость. Однако послушайте, Рейф, если вы действительно искренни, в чем я, заметьте, сомневаюсь, но если вы действительно хотите общаться со мной, перестаньте бесить меня своими оскорблениями на каждом шагу!

Рейфел, словно размышляя, прижал палец к губам.

– Сейчас вы вовсе не выглядите взбешенной, – заключил он.

– Дайте мне минуту.

– Вам нужно умерить свое остроумие, Фелия, – рассмеялся он. – Вы знамениты вовсе не этим.

– Разумеется, нет. Но сейчас я не в кругу друзей, где приходится взвешивать каждое слово.

– Согласен, мы не друзья, но посмотрите на ситуацию с противоположной точки зрения: когда вы среди друзей, вовсе незачем остерегаться!

– Нет, я сказала то, что думала.

– А-а, понимаю! Это ложные друзья!

– До чего же проницательно с вашей стороны! Теперь уже я изумлена!

Он снова рассмеялся, на этот раз еще громче. Черт бы все побрал, она вовсе не собиралась его развлекать!

Офелия отвернулась к окну и вспомнила, о чем намеревалась предупредить Рейфела. Она хотела погулять по снегу. Не стоит, чтобы он все испортил, вообразив, будто пленница собралась сбежать.

– Если снег не прекратится в ближайшее время, я бы хотела завтра погулять. Вот и все, что я желала вам сообщить, – объявила она, оборачиваясь, чтобы посмотреть на его реакцию. Существовала, пусть и весьма слабая, возможность того, что он запретит ей покидать дом. Именно поэтому она и решила сказать о прогулке.

Но Рейфел с неподдельным любопытством уставился на нее.

– К чему вам все это? Я полагал, большинство женщин похожи на мою сестру, которая отказывается высунуть нос за дверь, если идет снег.

– Нет, я тоже подожду, пока снегопад прекратится, – пояснила она. – Просто не хотела, чтобы вы посчитали, будто я иду не на прогулку, а еще куда-то.

– Так вы любите гулять по свежевыпавшему снегу? Не думал, что это нравится кому-то еще, кроме меня. Собственно говоря, я и сам подумывал о прогулке.

– Нет, я не хочу, чтобы вы оставили на нем следы…

– Прежде вас? – догадался он.

Офелия невольно улыбнулась.

– Да, – призналась она, не чувствуя, что краснеет.

Глава 12

Обед в обществе Эсме и Офелии прошел на удивление приятно. Рейфел даже смог расслабиться и впервые забыть о той монументальной задаче, которую взвалил на себя. И к тому же ему не было необходимости поддерживать беседу. Как ни странно, о нем словно забыли. Зато Офелия была в своей стихии. Сегодня она рассказывала о Лондоне. И как только обнаружила, что Эсме бывала в столице всего дважды: один раз, когда была дебютанткой, и другой – когда советовалась с поверенным брата после кончины мужа, – решила провести с тетушкой словесную экскурсию по местам, которые знала лучше всего. Бонд-стрит! Господи, когда женщины начинают болтать о магазинах, мужчинам лучше всего оказаться как можно дальше от них! Но Офелия описывала и городские парки, балы и приемы, театры, даже дворец, в котором бывала еще ребенком.

За десертом Рейфел вдруг понял, что беседа ни разу не коснулась самой Офелии. А ведь Мейвис уверяла, что красавица неизменно стремится быть центром внимания и терпеть не может, если разговор заходит о чем-то ином. Однако Офелия вовсе не пыталась говорить о себе и прилагала все усилия, чтобы развлечь тетушку, описывая достопримечательности столицы.

Ее истории заставили Эсме заливаться смехом. Она не пощадила даже собственную мать:

– Матушка повезла меня по лавкам, чтобы купить шляпы к новому гардеробу, который я заказала на этот сезон. Мы привезли с собой образцы тканей, а у этого галантерейщика был огромный выбор уже готовых шляп. Владелец, в полной уверенности, что у него есть именно то, что необходимо, пригласил меня пройти в заднее помещение. Но лавка была очень старой, с довольно узкими дверьми. Представляете, матушка застряла в дверном проеме.

– Ты дурачишь меня, девушка, – недоверчиво бросила Эсме. – Признайся, тебе просто хочется посмеяться надо мной!

– Нет, честное слово, все так и было! Она ужасная сладкоежка и за последние годы сильно поправилась. Однако ни разу не застревала в дверях, поскольку на всякий случай обычно проходила боком. Но в тот день она была погружена в собственные мысли и просто следовала за мной. К несчастью, поняв, что попалась, она попыталась протиснуться внутрь.

– И при этом застряла уже намертво?

– Именно! А бедняга хозяин страшно перепугался. Видите ли, из задней комнаты не было другого выхода.

Эсмеральда едва не задохнулась от смеха.

– И чем же все это кончилось?

– Ну, поскольку никто так и не пришел нам на помощь, мы с владельцем объединили усилия, чтобы вытащить матушку.

– И что получилось?

– Ничего.

– Что же было потом?

– У бедной матушки в конце концов началась отрыжка.

– О господи! – выдохнула Эсмеральда, вытирая слезы. – Ее так расперло от воздуха?

Офелия с улыбкой покачала головой:

– Перед поездкой к галантерейщику мы остановились пообедать, и она просто не успела переварить съеденное.

Какая это радость – слышать смех Офелии! Ее голубые глаза при этом лучились весельем, и лицо сразу становилось мягче и моложе.

В этот момент из ее прически выбился белокурый локон. Рейфел думал, что Офелия сразу же помчится к ближайшему зеркалу, чтобы привести себя в порядок, но она просто небрежно откинула рукой прядь волос и тут же о ней забыла.

Рейфел потрясенно уставился на нее, но она и этого не заметила. Более того, она совершенно не обращала на него внимания. Он вдруг понял, что впервые застал ее в таком хорошем настроении. Впрочем, до этого дня он никогда не слышал искреннего смеха Снежной королевы. Нет, после этого обеда Рейфел больше не станет ее так называть.

Опять эти чертовы сомнения! У него такое чувство, будто он открыл ту сторону характера Офелии, которую до сих пор никому не дано было увидеть. То же самое он подумал в гостиной, когда ей удалось его рассмешить. А когда Офелия призналась, что обожает одно из простых удовольствий жизни – оставлять следы на свежевыпавшем снегу, он просто потерял дар речи. Почему она никому не дает заглянуть в свою душу? Почему держит под спудом эту жизнерадостную, остроумную, веселую женщину, не показывая ее посторонним?

В довершение всего после обеда прибыл лакей Эсмеральды с письмом от Сабрины. Та, должно быть, была занята приготовлениями к свадьбе с Дунканом и все же нашла время для ответа. И это письмо определенно разрешило все сомнения, которые его одолевали.

Он подождал, пока закончится ужин, хотя, возможно, делать этого не следовало. Его мрачное настроение наложило отпечаток на присутствующих, и ужин прошел скучно и в неловком молчании. Какой контраст с обедом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhoanna-lindsey/d-yavol-kotoryy-ee-ukrotil

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити